

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ сорокъ седьмой.

№ 3-й. 1 Февраля 1913 года. № 3-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкой пять рублей.

Часть официальная.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ въ 22 день августа 1912 г. причислить, за 50 лѣтнюю отлично усердную службу церкви Божіей, діакона церкви села Спиридоновки, Самарскаго уѣзда, Михаила *Звѣрева* къ ордену св. Анны 3-й степени.

Награжденъ

Набедренникомъ священникъ с. Зернаевки, Бугурусланскаго уѣзда, Петръ *Ясинскій* за ревностное содѣйствіе Епархіяльному Миссіонеру въ обращеніи на путь истины 42 заблудшихъ.

Объявляется благодарность Епархіяльнаго Начальства протоіерею Павлу Часовникову за пожертвованіе въ Покровскую церковь слободы Покровской трехъ билетовъ вѣчнаго вклада на сумму 2200 р.

Опредѣлены: священникъ *Сергій Ваевскій* на вакансію псаломщика къ церкви села Старой Александрорки, Бузулукскаго уѣзда, 31 декабря; священникъ Іоаннъ Юловскій на вакансію псаломщика къ церкви села Удѣльной Борисовки, Бугуру-

БИБЛИОТЕКА

сланскаго уѣзда, 2 января; бывшій псаломщикъ Иванъ Покровскій на вакансію псаломщика къ церкви села Ново-Никольскаго, Николаевскаго уѣзда, 22 декабря

Перемѣщены: священникъ села Микулина Бугульминскаго уѣзда, Николай Фавстрицкій къ церкви села Зыкова, Бугурусланскаго уѣзда, 1 января; священникъ села Новаго Кувака, Бугульминскаго уѣзда, Михайль Свѣтовидовъ къ церкви села Дубровки, Самарскаго уѣзда, 8 января; псаломщикъ села Тинарки, Ставропольскаго уѣзда, Василій Шишватовъ къ церкви села Андросовки, Николаевскаго уѣзда, 8 января; священникъ села Марьина, Николаевскаго уѣзда. Константинъ Драгомировъ къ церкви села Богдановки, Николаевскаго уѣзда, 5 января; священникъ села Зуевки, Бузулукскаго уѣзда, Іоаннъ Топорнинъ къ церкви села Бобровки, Самарскаго уѣзда, 1 января; діаконъ села Богдановки, Самарскаго уѣзда, Іоаннъ Тороповъ къ церкви села Георгіевки, Бузулукскаго уѣзда, 8 января; псаломщикъ слободы Александрова Гая, Новоузенскаго уѣзда, Василій Сложеникинъ къ церкви села Озинки, того-же уѣзда, 9 января.

Рукоположенъ псаломщикъ Александро-Невской церкви при больницѣ душевно-больныхъ Самарскаго Губернскаго Земства Димитрій Софроновъ въ санъ діакона, съ оставленіемъ на занимаемомъ мѣстѣ, 23 декабря.

Уволенъ за штатъ псаломщикъ села Августовки, Новоузенскаго уѣзда, Василій Бѣльскій, согласно прошенію, 11 января.

Исключаются изъ списковъ за смертію: діаконъ церкви села Спасскаго, Самарскаго уѣзда, Іоаннъ Металловъ, 65 лѣтъ, схимонахиня Бузулукскаго Тихвинскаго монастыря Марія, 76 лѣтъ, іеросхимонахъ Александро-Невскаго Бугульминскаго монастыря Протасій, 77 лѣтъ, заштатный священникъ Михайль Василейскій, 59 лѣтъ, настоятельница Бугурусланскаго Покровскаго женскаго монастыря игуменія Каллиста, заштатный священникъ Михайль Каменскій, 75 лѣтъ.

Назначеніе пенсіи.

По опредѣленію Св. Синода, отъ 13 декабря 1912 г. за № 11466, заштатному священнику Зеленовскаго поселка Уральской области Лаврентію Телятову назначена пенсія въ размѣръ 300 р. въ годъ, съ 14 іюля 1912 г., изъ Уральского Казначейства.

Отъ Самарскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Согласно журнальнаго постановленія своего, отъ 13 декабря 1912 года № 25, Самарскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества объявляетъ къ свѣдѣнію духовевства епархіи письмо Его Высокопреосвященства, Предсѣдателя Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, отъ 22 ноября 1912 года № 882, на имя Епископа Самарскаго.

ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО,

Возлюбленный о Господѣ Братъ.

Одно изъ старѣйшихъ въ Россіи просвѣтительно-благотворительныхъ учрежденій, Православное Миссіонерское Общество, въ настоящее время испытываетъ большія затрудненія вслѣдствіе весьма значительнаго сокращенія миссіонерскихъ сборовъ, служащихъ источникомъ содержанія миссій и миссіонерскихъ учрежденій какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи. Положеніе Миссіонерскаго Общества настолько сдѣлалось критическимъ, что Совѣтъ сего Общества поставленъ былъ въ необходимость сократить на половину свои ассигнованія на содержаніе вышеуказанныхъ миссій и миссіонерскихъ учрежденій, послѣдствіемъ чего явилось закрытіе нѣкоторыхъ изъ таковыхъ учрежденій и вообще ослабленіе миссіонерской дѣятельности среди не просвѣщенныхъ еще свѣтомъ истинной вѣры язычниковъ. И—это тогда, когда, по обстоятельствамъ времени, эта дѣятельность, казалось бы, должна развиваться съ особенной интенсивностью. Не

входя въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ общаго и частнаго характера, вызвавшихъ въ епархіяхъ паденіе всѣхъ миссіонерскихъ сборовъ, нельзя однако не обратить вниманія на то, что, какъ видно изъ списка членовъ Миссіонерскаго Общества по епархіямъ, само православное духовенство, не исключая и монашествующаго, въ большинствѣ епархій не только лично не участвуетъ своими жертвами въ поддержкѣ нашихъ православныхъ миссій среди язычниковъ, но въ то же время оно по видимому и не принимаетъ надлежащихъ мѣръ къ усиленію и оживленію интереса къ этому дѣлу среди своей паствы.

Въ виду вышеизложеннаго я почитаю долгомъ покорнѣйше просить Ваше Преосвященство придти въ настоящемъ случаѣ на помощь Православному Миссіонерскому Обществу, призвавъ духовенство и православное населеніе Самаркой епархіи къ болѣе живому и ревностному участию чрезъ сильныя пожертвованія въ нуждахъ нашихъ миссій, дѣятельность которыхъ имѣетъ безусловно важное, церковно-государственное значеніе. (Подлинное за надлежащимъ подписомъ.)

**Журналь Самарской Духовной Консistorіи 1913 года
января 18 дня.**

(Къ свѣдѣнію духовенства и неуклонному съ его стороны исполненію)

Самарская Духовная Консistorія СЛУШАЛИ: Определеніе Святѣйшаго Синода, отъ 19-28 ноября 1912 года за № 10715, слѣдующаго содержанія: По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе: по предложенному Г. Синодальнымъ Оберъ-прокуроромъ письму предсѣдателя Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, отъ 16 ноября 1912 года за № 823, о порядкѣ совершенія этого празднованія. ПРИКАЗАЛИ: 21 февраля 1913 года исполняется триста

лѣтъ со времени избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, родоначальника нынѣ благополучно царствующаго русскаго Императорскаго Дома Романовыхъ. Святѣйшій Синодъ, выслушавъ Высочайше одобренныя предположенія и пожеланія Комитета для устройства празднованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ о главныхъ основаніяхъ этого празднованія, съ своей стороны, въ цѣляхъ наиболѣе торжественнаго молитвеннаго ознаменованія 300-лѣтія достославнаго событія въ жизни русскаго государства, опредѣляетъ: предписать Синодальнымъ конторамъ, епархіальнымъ преосвященнымъ, завѣдующему придворнымъ духовенствомъ и протопресвитеру военнаго и морского духовенства сдѣлать распоряженіе, а) чтобы во всѣхъ храмахъ Имперіи были совершены 20-го февраля 1913 года, послѣ положенныхъ по церковному уставу въ этотъ день часовъ, панихиды, съ поминовеніемъ на нихъ въ Бозѣ почившихъ родителей перваго Царя изъ Дома Романовыхъ блаженнѣйшаго патріарха Филарета и инокини Марфы, — благочестивѣйшихъ Государей — Царей: Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича, благочестивѣйшихъ Государей Императоровъ и Императриць: Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Іоановны, Елисаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III и всѣхъ отъ рода Царей и Великихъ Князей россійскихъ изъ Дома Романовыхъ преставльшихся, а 21 февраля 1913 г. торжественныя литургіи, съ произнесеніемъ на нихъ соотвѣтственныхъ поученій, благодарственныя Господу Богу молебствія, съ возглашеніемъ, по установленному порядку, многолѣтій Государю Императору Николаю Александровичу, Государынямъ Императрицамъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу Алексію Николаевичу и всему Царствующему Дому, и за симъ произведенъ былъ въ церквахъ цѣлодневный звонъ, и б) чтобы 21 февраля въ городахъ къ началу литургіи въ соборный храмъ прибыли крестные ходы

изъ городскихъ церквей, по распоряженію епархіальныхъ Преосвященныхъ, а въ селахъ были совершены крестные ходы послѣ литургіи и молебна. Для исполненія сего опредѣленія напечатать оное въ журналъ „Церковныя Вѣдомости“. **Приказали:** Опредѣленіе Св. Синода напечатать въ ближайшемъ № Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, къ неуклонному исполненію его духовенствомъ Самарской епархіи.

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА

с в я щ е н н и ч е с к і я :

Ставропольскаго уѣзда: Сосновка, 3 окр., Свѣтлое Озеро, 1 окр., Тинарка, 2 окр.

Бугульминскаго уѣзда: Репьевка, 2 окр., Мордовская Кармала, 3 окр., (новооткрытый приходъ), Подлѣсная Шентала, 2 шт. 3 окр., Новый Кувакъ 2 шт. 3 окр., Микулино, 1 шт., 1 окр.

Бугурусланскаго уѣзда: Никиткино. 5 окр., Верхняя Орлянка, 2 шт. 3 окр., Смагино, 4 окр., Большіе Толкаи, 2 шт., 1 окр.

Бузулукскаго уѣзда: Пронькино, 11 окр., Домашкинскія Вершины, 4 окр., Корыѣевка, 3 окр., Казанка 11 окр., Кодяковка 9 окр., Благодаровка 3 окр.

Николаевскаго уѣзда: Березовка, 4 окр., Злобинка, 2 окр. Ивантѣевка, 3 шт. 1 окр., Марьино, 1 шт. 3 окр., Пестравка 2 шт. 4 окр.

Новоузенскаго уѣзда: Ильинка, 5 окр., Новая Квасниковка, 6 окр., Малаховка, 2 окр.

д і а к о н с к і я :

Самарскаго уѣзда: Черновка, 4 окр., Каѳедральный соборъ. Спасское, 1 окр.

Бугульминскаго уѣзда: Репьевка, 2 окр.

Бузулукскаго уѣзда: Андреевка, 12 окр.

Николаевскаго уѣзда: Константиновка, 4 окр., Балаково, Христо-Рождественская церковь, 9 окр.

п с а л о м щ и ч е с к і я :

Новоузенскаго уѣзда: Слобода - Красная, 2 окр.

Самарскаго уѣзда: Владимірское, 2 шт. 1 окр.,
Русскія Липяги, 2 окр. (новооткрытый приходъ).
Переволокскіе Хутора, 1 окр.

Ставропольскаго уѣзда: Верхній Мелекесь, 2
окр., Сабакаево, 2 окр., Филипповка 2 окр.

Бугурусланскаго уѣзда: Моторино, 6 окр., Ега,
1 окр.

Бузулукскаго уѣзда: Пронькино, 11 окр., Перов-
ка, 3 окр., Бузулукскій соборъ, Герасимовка 2 окр.,
Гришкино, 2 окр., Никольское 10 окр.

Николлевскаго уѣзда: Кирсановка, 6 окр., Зло-
бинка, 2 окр., Ломовка, 6 окр.

Новоузенскаго уѣзда: Чарыковка 3 окр., Возне-
сенка 3 окр., Тамбовка, 3 окр., Александровъ Гай,
1 и 3 шт. 1 окр., Генеральское 4 окр., Августовка,
1 окр.,

Съ 1-го Января 1903 года

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ИЗДАЕТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИСТОКЪ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„СВѢТЪ ПЕЧЕРСКІЙ.“

Для простаго русскаго народа листокъ является прекраснымъ назидательнымъ чтеніемъ, а пастырямъ можетъ давать матеріаль для бесѣдъ и поученій.

Къ листку ежемѣсячно прилагается противосектантскій листокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 50 КОП.

Кроме того, Лаврой и сейчасъ уже издано много миссіонерскихъ и общеназидательныхъ иллюстрированныхъ листковъ, составляемыхъ и редактируемыхъ Кіевскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ іеромонахомъ **Филиппомъ**.

100 листковъ въ 4 стр. 35 коп.,	1000— 3 руб.	} Безъ пересылки.
100 листковъ въ 8 стр. 70 коп.,	1000— 6 руб.	

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ.

АДРЕСЪ: Кіевъ, Кіево-Печерская Лавра, Духовный Соборъ.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ сорокъ седьмой.

№ 3-й. | Февраля 1913 года. № 3-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкой пять рублей

Часть неофициальная.

С Л О В О

въ день трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

(Промысль Божій въ историческихъ судьбахъ Русскаго народа).

Долгимъ и болѣзненно-мучительнымъ историческимъ процессомъ созидалось Русское царство: и мечъ, и пламень, и поруганныя святыни, и сожженные храмы—все было приносимо русскими людьми въ жертву суровому и грозному прошлому. И нѣтъ, кажется, и пяди русской земли, которая не была бы орошена русской кровью,—нѣтъ поля, которое не было бы усѣяно костями русскихъ храбрецовъ... И чрезъ горнило тяжкихъ испытаній, пережитыхъ многострадальной Русью, Промысль Божій неуклонно вель ее отъ силы къ силѣ, отъ славы къ славѣ. Можно было бы указать на многіе моменты въ исторіи нашего отечества, моменты критическіе, роковые, гдѣ ясно видна эта благодѣтельная Десница Божія.

Да вотъ предъ нами одинъ изъ такихъ моментовъ. Три вѣка отдѣляютъ насъ отъ этого страш-

наго момента, но онъ воскресаетъ нынѣ въ нашей памяти, какъ вчерашній, — воскресаетъ со всѣми его ужасами, при одной мысли о которыхъ умъ цѣпенѣетъ, уста нѣмѣютъ, и сердце, обливаясь кровью, разрывается на куски.

Да. Тяжелый крестъ несла Русь въ періодъ „смутнаго времени“. Тысячи бѣдъ и несчастій разомъ обрушились на нее отовсюду... Села и города лежали въ развалинахъ. Храмы разорены, алтари ниспровергнуты, вѣра православная поругана, святыни осквернены. Священный кремль въ плѣну. Мирные жители, побросавъ родныя пепелища, бѣгутъ въ дремучіе лѣса спасать собственную жизнь и жизнь своихъ дѣтей. Но и здѣсь не всѣ находятъ спасеніе: ни сѣдины ветхихъ деньми старцевъ, ни молитвенный вопль невинныхъ дѣтей и ихъ матерей — ничто не спасало отъ ярости и злобы враговъ. Самозванцы, смѣнявшіе другъ друга, бояре — измѣнники, бояре, постоянно враждовавшіе между собою изъ-за власти, хитрые и властолюбивые поляки, корыстолюбивые шведы, казаки и всякая бездомная противообщественная „вольница“, жаждавшіе крови и легкой наживы — все и вся, свои и чужіе какъ-бы нарочно соединились для того, чтобы безъ конца мучить и терзать несчастную Русь... *Изнемогоша предки наши, и не бѣ помогаяй* (Псал. 106, 12). Казалось, пробилъ послѣдній часъ политическаго существованія русскаго государства. Казалось, что оно навсегда погибнетъ подъ собственными развалинами... Но *въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго во время воздвигнетъ на ней* (Сирах. 10, 4). Чаша праведнаго гнѣва Божія была уже испита русскимъ народомъ до дна, очистительная жертва за грѣхи прошлаго была уже принесена, и Господь воздвигаетъ потребныхъ людей, чрезъ которыхъ и даруетъ спасеніе Руси, стоявшей на краю гибели.

Среди ужасовъ „смутнаго времени“ — среди пылающихъ городовъ и селеній, среди бушующаго моря крови и слезъ, среди всяческихъ безчинствъ и неистовствъ... по манію Божію, возстаетъ свя-

тѣйшій патріархъ Гермогенъ. Какъ блестящая пугтеводная звѣзда, какъ лучезарный маякъ среди темной ночи онъ въ непроглядномъ сумракѣ лихолѣтъя указываетъ всей Россіи путь жизненный, — путь къ ея спасенію и возрожденію. Въ роковые дни всеобщаго отчаянія п. Гермогенъ своими призывными грамотами возжигаетъ „свѣщу вѣры и надежды“. Отъ этой „свѣщи“ зажигаютъ новыя свѣчи смиренные иноки Т-Сергіевой лавры—св. Діонисій и Авраамій Палицынъ. Своими грамотами отъ имени Пресв. Троицы и преподобнаго Сергія они также призывали всѣхъ русскихъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества.....

Вся Русь закипѣла святою ревностію къ единенію, къ рѣшительной борьбѣ за вѣру и отечество. Поднялись и заходили изъ края въ край патріотическія волны, готовые смыть съ лица земли русской гордыхъ враговъ. Единодушно вставала, ополчалась родная страна. Появляются вожди и воины... Является храбрый, энергичный воевода рязанскій Прокопій Ляпуновъ.....

Вѣроломно погубленъ этотъ доблестный вождь народныхъ ополченій,—эта краса и сила рати русской,—17 февраля 1612 года умолкъ и голосъ п. Гермогена подъ сводами Чудова монастыря...

Но великое дѣло было уже наканунѣ завершенія... Умолкъ „несокрушимый адамантъ“ земли русской, но уже подготовивши побѣду. Умеръ народный вождь, но, подобно древнему Моисею, уже на порогѣ земли обѣтованной....

И вотъ въ концѣ 1612 года насталь и всерадостный ликующій день спасенія: безсмертными подвигами Минина и Пожарскаго и ихъ присныхъ Москва, наконецъ, была освобождена и очищена отъ враговъ.

Въ слезахъ раскаянія Россія возблагодарила Господа и въ началѣ слѣдующаго 1613 года колѣнопреклоненная, съ обѣтомъ вѣрности Помазаннику Божію, припала къ стопамъ юнаго Михаила, который и положилъ начало донинѣ царствующей династіи Романовыхъ.

Не безъ указанія Перста Божія выборъ предковъ нашихъ въ столь тяжелое для государства время палъ именно на Михаила Ѳеодоровича. Этотъ Государь, происходя изъ рода, славившагося своимъ благородствомъ, честностію и заслугами отечеству, не смотря на то, что всего въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ возложилъ на себя шапку и бармы Мономаха, однако, при поддержкѣ лучшихъ русскихъ людей, сразу поставилъ государство на стезю твердаго государственнаго порядка и, идя правымъ, именно романовскимъ путемъ, уже въ первые пять лѣтъ своего царствованія привелъ его въ такое положеніе, что прежней мятежной и разоренной Руси нельзя было и узнать. Главное же то, что за это время Михаилу Ѳеодоровичу удалось водворить миръ внутри и вовнѣ, ибо благодаря наступившему спокойствію онъ получилъ полную возможность все вниманіе обратить на внутреннее благоустройство государства. И дѣйствительно теперь закипѣла работа, работа громаднѣйшая во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни: неутомимо-ревностный царь возстановляетъ и наполняетъ государственную казну, преобразуетъ и увеличиваетъ военныя силы, улучшаетъ средства обороны страны, возобновляетъ, улучшаетъ старыя и учреждаетъ новыя разсадники просвѣщенія и т.п. Ожила и воспрянула духомъ, возродилась и обновилась униженная, обезсиленная, поработенная Русь.

Древніе римляне въ память спасенія своего государства отъ гибели одного изъ отечественныхъ героевъ (Камилла) называли вторымъ основателемъ, а другого (Марія)-третьимъ основателемъ Рима. Мы съ неменьшимъ правомъ перваго своего Царя изъ Дома Романовыхъ можемъ назвать вторымъ основателемъ русскаго государства.

Но Михаилъ Ѳеодоровичъ по всей справедливости можетъ быть названъ также и вторымъ основателемъ Москвы, такъ какъ, получивъ первопрестольную, по меньшей мѣрѣ на три четверти истребленную огнемъ, онъ въ сравнительно короткое время заново обстроилъ ее, украсивъ новыми вели-

чественными храмами и дворцами и другими памятниками архитектуры, особенно въ Кремлѣ.

Съ необыкновенной быстротой возстановлены были и другіе города, лежавшіе до него въ развалинахъ.

И сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы видѣть, сколь благодѣтельно было для русскаго государства царствованіе Перваго Романова.

Когда же мы бросимъ хотя бѣглый взглядъ и на все истекшее трехсотлѣтіе русской исторіи, то увидимъ, что самыя лучшія, самыя блестящія страницы ея за этотъ періодъ написаны тою же благодѣтельною рукою Романовыхъ. Увидимъ, что небольшое Московское государство, какимъ принялъ Россію Михаилъ Ѳеодоровичъ, трудами Романовыхъ, въ тѣсномъ единеніи съ русскимъ народомъ, расширено до предѣловъ колоссальныхъ, поставившихъ наше отечество по величинѣ территоріи на первое мѣсто среди всѣхъ государствъ міра. Увидимъ, что слабое политически Русское царство доведено Романовыми до нынѣшняго Императорскаго могущества и величія. Увидимъ, что благодаря неусыпнымъ заботамъ Романовыхъ, наша милая отчизна непрерывно растетъ не только въ своихъ предѣлахъ и внѣшнемъ могуществѣ, но и въ экономическомъ благосостояніи, въ просвѣщеніи и другихъ отрасляхъ образованности и культуры. Словомъ, увидимъ, что все, что есть лучшаго въ нашемъ государствѣ,—все сдѣлано Романовыми: или по ихъ личной инициативѣ, или при ихъ ближайшемъ содѣйствіи, такъ что въ этомъ отношеніи исторія Россіи есть въ сущности исторія славнаго Дома Романовыхъ...

И царственные подвиги любого изъ Романовыхъ, подобно подвигамъ перваго изъ нихъ, представляютъ собою неисчерпаемую сокровищницу благодѣяній русскому народу...

Вотъ, напр., Великій Петръ, царствованіе котораго есть цѣлая исторія колоссальности дѣлъ и невѣроятности чудесъ, совершенныхъ для русскаго государства. Сей титанъ мысли и дѣла, пріобщивъ

русскій народъ къ благамъ цивилизаціи западно-европейскихъ просвѣщенныхъ государствъ, поставилъ наше отечество на новый путь. И Россія, руководимая новымъ „Навиномъ“, быстро пошла впередъ по этому пути, — пошла бодро и смѣло, не имѣя минуты свободной, чтобы забыться покоемъ отъ ратныхъ и гражданскихъ подвиговъ, отъ торжествъ побѣды и славы, отъ триумфовъ завоеваній и пріобрѣтеній....

Вотъ Александръ Благословенный, „нашъ великій Императоръ“, „міра свѣтлая звѣзда“, — этотъ ангель-хранитель и спаситель Россіи отъ ига „палача и деспота вселенной“, великодушно даровавшій свободу и всей поработченной Наполеономъ Западной Европѣ.... Въ своемъ беззавѣтномъ служеніи родинѣ Онъ Самъ Себѣ воздвигъ памятникъ, которому никогда не будетъ могилы и тлѣнія, на который всегда съ благоговѣніемъ будетъ взирать благодарный русскій народъ.

Вотъ встаетъ предъ нами во весь свой исполинскій ростъ, въ всемъ поразительномъ величіи царственныхъ подвиговъ, во всемъ неотразимо-чарующемъ обаяніи самоотверженной любви къ русскому народу Александръ II-Преобразователь, Царь Освободитель, Царь-Мученикъ... Вѣдь каждый день преславнаго Его царствованія достоинъ памяти и памятника, есть, можно сказать, день историческій.. И чье сердце не бьется священнымъ трепетомъ, какая русская душа не загорается всегда яркимъ пламенемъ любви и безпредѣльной благодарности, при произнесеніи твоего, во вѣки незабвеннаго имени, Царь-Благодѣтель! Сегодня же свѣтлый, вѣличаво-плѣнительный образъ твой воскресаетъ предъ нами въ лучахъ какъ-бы еще болѣе яркихъ, еще болѣе свѣтлыхъ! Достоинно и праведно въ настоящей день всероссійскаго торжества сыны отечества сплетаютъ тебѣ вѣнокъ изъ самыхъ пышныхъ, изъ самыхъ благоухающихъ розъ, чтобы украсить имъ твое страдальческое чело!....

Вотъ Императоръ Александръ III — живое воплощеніе и олицетвореніе всѣхъ самыхъ лучшихъ

качество русской благородной души, этот „непо-дражаемо честный носитель, могущественный стражъ и проводникъ истинно—русскихъ взглядовъ, исконно—отечественныхъ нашихъ убѣжденій и традицій“, этотъ „Монархъ, освѣтившій царственный тронъ Романовыхъ несравненнымъ свѣтомъ христіанскихъ добродѣтелей“, этотъ „одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ геніевъ современнаго человѣчества“, эта безцѣнная жемчужина въ безсмертной коронѣ Романовыхъ, одно имя котораго навсегда останется предметомъ національной гордости и вѣковѣчной славы русской земли. Какъ истый, непреодолимо—мощный русскій богатырь онъ въ могучей длани своей держалъ миръ всего міра. Вотъ почему гласъ не только одного русскаго народа,—а и гласъ всего свѣта, какъ непреложный гласъ Божій, и назвалъ Его самымъ почетнѣйшимъ и самымъ величественнымъ для владыкъ земныхъ именемъ Миротворца и назвалъ вполне справедливо и заслуженно: Онъ даровалъ землѣ миръ, подъ благословеннымъ знаменемъ котораго укрывались всѣ народы.

Вотъ и другіе Романовы... Всѣ они, повторяемъ, самоотверженно несли свои силы на алтарь благоденствія отечества...

Перенесемтесь же притрепетной мыслию къ гробницамъ Ихъ, преклонимъ колѣна, земно поклонимся и, омывъ слезами благодарности безцѣнный прахъ Ихъ, во умиленіи сердець скажемъ: Трудники и Печальники земли родной, свято и беззавѣтно ее любившіе, своею русскою душою за нее страдавшіе и всю жизнь ей посвятившіе! „Вѣчная“ всѣмъ Вамъ „память“ за то добро, которое Вы совершили для русскаго народа!... Не обычная грустная, щемящая сердце „вѣчная память“, а память торжественная, славная, во вѣки вѣчные свѣтлая память!... Ваши имена, Ваши подвиги вѣчно будутъ жить и сіять и не только въ хартіи и на полотнѣ или металлѣ, но и въ умахъ и сердцахъ русскихъ людей!... Да дивятся и всѣ народы этому грандіозному созвѣздію не фантастическихъ древнѣйшихъ, а истинныхъ, настоящихъ и подлинныхъ богатырей свято-русска-

го духа,—этому несравненному и безпримѣрному преемству Великихъ Романовыхъ!...

И пусть неувядаемая слава всѣхъ доселѣ царствовавшихъ Романовыхъ перейдетъ и возсіяетъ и на прекраснѣйшемъ отпрыскѣ Дома Романовыхъ, обожаемомъ нами Государѣ Императорѣ нашемъ Николаѣ Александровичѣ! Въ своихъ благихъ начинаніяхъ и святыхъ стремленіяхъ—вести отечество наше „по лучезарному и свѣтлому пути“—Онъ, въ мѣру развитія потребностей русской жизни, указаль ему новыя пути, даль новыя средства для болѣе успѣшной и плодотворной его дѣятельности. И мы вѣруемъ, что Самъ Господь призваль Его къ этому царственному подвигу, Само Небо наречеть Ему и новое имя.

Братіе — Россіяне! въ сей знаменательный день всероссійскаго свѣтлаго торжества сугубо возблагодаримъ Господа Бога за всѣ благодѣянія, явленныя Имъ землѣ русской въ теченіе истекшаго трехсотлѣтія чрезъ Вѣнценосцевъ Романовыхъ!

Возблагодаримъ и за милостикъ намъ нынѣ царствующаго Романова, Государя Императора Николая II.

Помолимся о Немъ, да сохранитъ Его Господь въ безоблачномъ счастіи до самыхъ крайнихъ предѣловъ человѣческой жизни для блага народовъ, находящихся подъ Его скипетромъ,—помолимся, чтобы Онъ, Премилосердный, выну осѣняль Его своею всеильною благодатію въ Его многотрудномъ служеніи, чтобы указываль Ему въ сотрудники людей, сильныхъ духомъ и словомъ правды,—чтобы умножалъ ревностныхъ и честныхъ исполнителей Его воли и законовъ, ограждалъ Его царство отъ бѣдъ и напастей и помогъ Ему успѣшно свершить то великое дѣло, которое Онъ великодушно подъяль на царственныя рамена Свои!

Помолимся и о юнѣйшей отрасли Дома Романовыхъ, Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Алексіѣ Николаевичѣ, нашей радости, нашей Любви и Надеждѣ, нашемъ новомъ Счастіи, нашемъ новомъ Солнышкѣ Красномъ, восходящемъ надъ горнизонтомъ Россіи. Да сохранитъ Его Господь на всѣхъ путяхъ Его святыми своими ангелами!

Укрепляемый благодатию Божіею и ароматическимъ дыханіемъ молитвъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества да достигаетъ Онъ мѣры возраста мужа совершенна, дабы продлить въ безпредѣльные грядущіе вѣки національную династію Романовыхъ во славу и благоденствіе отчизны!

Да сохранитъ Господь и весь царствующій Домъ Романовыхъ на многая--многая лѣта!

Протоіерей П. *Алексѣевскій*

Къ 300-лѣтію царствованія Дома Романовыхъ. (1613—1913).

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

Была пора. На царскомъ тронѣ
Родного не было царя.
Сжигались города и села;
Твердыни храмовъ колебались;
Лилась рѣкою кровь людская;
Стонала русская земля.

* * *

Поляки, ляхи и казаки.
Бояре—злые лиходѣи,
Желая завладѣть престоломъ,
Преступно колебали тронъ:
То возводили самозванцевъ,
То надѣвали на бояръ порфиру царскую,
Ссылая въ заточенье
Сыновъ отчизны дорогой.

* * *

Въ правленіе царя Бориса,
Любимый всѣми славный родъ бояръ Романовыхъ
Былъ сосланъ въ ссылку:
Бояринъ Ѳедоръ—въ Сійскую обитель,
Супруга Ксенія—въ Заонежскій погостъ,
А юный Михаилъ—на Бѣло-озеро.

* * *

Печально было время Іоанна.
Еще печальнѣе правленіе Бориса:
Любовь народная къ царю,

Искусственно поднятая вначалѣ,
Мгновенно охладѣла.
Не могъ сберечь ее Борисъ.
Ряды неурожайныхъ лѣтъ,
Приведши въ ужасъ населенье,
Заставили надменнаго Бориса
Явить притворную любовь:
Открылъ онъ житницы въ Москвѣ,
Давалъ и хлѣбъ и серебро народу,
Къ тому жъ принудилъ онъ вельможъ и духовенство,
Но не избылъ бѣды.

* * *

Въ Москву толпы сбѣжались нищихъ,
И ужасъ голода еще сильнѣе сталъ:
Явился моръ, пошли разбой,
Вездѣ былъ слышенъ плачь и стонъ;
Какъ злые звѣри стали люди;
Цѣнили жизнь людей за хлѣбъ;
Боялись спать, чтобы не быть убитымъ;
Людей тѣла на рынкахъ продавали;
Глодали матери дѣтей....

* * *

Когда жъ пресѣкъся страшный голодъ,
Явилась новая гроза:
Возсталъ невѣдомый бродяга
Подъ именемъ невиннаго младенца,
Что въ Угличѣ, въ глухой могилѣ
Сномъ мученика спалъ.

* * *

Еще сильнѣе стала смута:
Кто вѣрилъ самозванцу,
Кто шелъ съ царемъ Борисомъ,
Кто Польшѣ предался.
Волнуемый невольнымъ подозрѣньемъ,
Напрасно Годуновъ
Вельможъ почетныхъ въ заточенье
Безжалостно ссылалъ.
Бѣда скрывалась не въ боярахъ . . .
Димитрія Царевича слеза
И кровь, пролитая въ убійствѣ
Законнаго наслѣдника престола,
Взывали къ небесамъ.

* * *

Борисова не выдержала совѣсть: Н
Лалимый внутреннимъ огнемъ,
Терзаемый кровавымъ привидѣньемъ
Онъ вдругъ. . . скоропостижно
Скончалъ земной свой путь.

* * *
Но все же смута не умолкла....
Наслѣдникомъ престола
Объявленъ былъ Θεодоръ,
Бориса Годунова сынъ.

.....
Успѣхъ измѣны возросталъ....
Часть войскъ предалась самозванцу;
Θеодоръ былъ убитъ;
Убита мать его,
Сестра жъ, Царевна Ксенія,
Заточена въ обитель.

* * *
Межъ тѣмъ, надменный Лжедимитрій
Вступилъ торжественно въ Москву.

* * *
Тогда то князь Василій Шуйскій
Черезъ преданныхъ своихъ людей
Открыто сталъ внушать народу,
Что сей, вступившій на престоль,
Есть дерзкій самозванецъ.

* * *
Вѣнчаніе съ Мариной Мнишекъ
Въ канунъ Николинаго дня,
Латинскіе обряды при вѣнчаньи,
Пиры на польскій образецъ,
Надменная гордыня ляховъ
Свершили дѣло до конца....

* * *
Князь Шуйскій устремился съ войскомъ
Къ стѣнамъ священнаго Кремля;
Въ церквахъ ударили въ набать;
Всѣ улицы усѣялись народомъ....
Всѣ спѣшно двинулись къ дворцу...
Бѣду увидѣвъ Лжедимитрій,
И потерявъ надежду жить,
Онъ бросился съ окна на площадь,
И умеръ на глазахъ толпы.

Не стало ложнаго царя...
Когожъ теперь избрать на цаство?
Хотѣлось дѣйствовать скорѣй...
Купцы съ боярами кричали,
Что Шуйскій долженъ быть царемъ...
И Шуйскій избранъ былъ на царство
Безъ земскихъ выборныхъ людей.

* * *

Явился новый Лжедмитрій...
Явились полки поляковъ;
Донскихъ измѣнниковъ казаковъ;
Начался вновь кровавый пиръ:
Стонъ, вопли оглашали воздухъ;
Враги жгли села, города;
Народъ скрывался по пустынямъ,
Ища спасенія отъ бѣдъ.

* * *

Однако онъ не чтить Василья...
Заволновалась вся Москва.
Винили Шуйскаго въ измѣнѣ
И заключили въ монастырь...

* * *

И вновь опять царя не стало.
Боясь, чтобъ „Тушинскаго вора“
Народъ не взялъ себѣ царемъ,
Бояре, вѣря Сигизмунду,
Поляковъ допустили въ Кремль.

* * *

Готовилась Руси Голгофа.
Тяжелый крестъ былъ посланъ ей.
И Скиперть Русскій и Держава
И тронъ священнѣйшій царей
Россіи имя, честь и слава
Предоставлялись Владиславу,
Потомку Польскихъ королей...

* * *

Но... не погибла Русь святая.
Еще горѣлъ огонь любви,
Любви къ святынямъ православнымъ,
Любви къ землѣ своей родной.
Раздался голосъ Гермогена,
Святителя Руси святой

И вдохновилъ сыновъ великихъ,
Сыновъ отчизны дорогой.
Собралась рать. И князь Пожарскій
Съ нимъ Мининъ, славный гражданинъ,
Спасать пошли родную землю,
Спѣшили въ матушку Москву.

* * *
И дрогнуль лютый врагъ;
Не устоялъ онъ твердо;
Бѣжалъ позорно изъ Москвы...
Съ горячей вѣрой въ Божью милость,
Съ молитвой жаркой на устахъ,
Очистили родную землю
Отчизны вѣрные сыны.

* * *
Отъ одного душа страдала:
На тронѣ не было отца,
Отца родного, дорогого,
По крови русскаго—ЦАРЯ.
Но .. Богъ не медлилъ утѣшеньемъ..

* * *
Въ Ипатьевскомъ монастырѣ,
Близъ вѣрной Костромы,
Среди молитвъ, уединенья,
Среди тиши отъ всѣхъ крамоль,
Какъ чистый голубь подъ крыломъ
Бѣздѣнной матери своей,
Руси Надежда возростала.

* * *
То-Михаиль, сынъ Филарета,
Сынъ мужа съ чистою душой,
Котораго ни годы бурь, ни бѣды,
Ни уговоры, ни угрозы,
Ни обѣщанья власти, даже смерть
Заставить не могли
Отрѣчься отъ завѣтовъ,
Для Руси дорогихъ.

* * *
Не меньшею звѣздой сіяла
И мать его, честная Марѳа.
Какихъ страданій, горькихъ мукъ,
Біеній любящаго сердца.

Какихъ мучительныхъ заботъ и тревогъ
Не испытала та,
Которая когда-то
Въ Егорьевскомъ угодьѣ,
Въ разлукѣ съ шестилѣтнимъ сыномъ,
Надежды Руси—Михаиломъ,
Вдали отъ мужа и отца,

Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Невольное пріавши постриженье
Томила въ ссылкѣ!

И въ тѣсной келіи своей,
Въ молитвѣ пламенѣя духомъ,
Молилась Марѳа объ отцѣ
И шестилѣтнемъ сынѣ;

Молилась и о томъ, чтобы юноша любимый
Въ объятія матери родной
Скорѣе возвратился.

Дошло до Господа мольбы...
Богъ возвратилъ ей сына.

Съ тѣхъ поръ въ обители святой,
Всѣмъ сердцемъ преданные Богу,
И мать и сынъ свершали путь,
Судьбы вѣлѣньямъ повинуюсь.

Межъ тѣмъ народъ спѣшилъ въ Москву.
Спѣшилъ за тѣмъ, чтобъ Русскій тронъ,
Столь поколебленный врагами,
Избраніемъ царя—отца
На вѣки укрѣпить.

Свершился скоро путь.
Смотрѣнемъ Праведнаго Бога
Народъ избралъ себѣ царя,
Избралъ по сердцу своему
Себѣ законнаго Владыку,—

Того, что съ матерью своей
Къ подножью царственнаго трона
Незримо подходилъ.

Вздохнула Русь. Поднявъ свои святыни,
Россіи вѣрные сыны,
Отслушавши молебень,
Прибыли въ Кострому.
Съ великимъ крестнымъ ходомъ
Отправились туда,
Гдѣ съ матерью своей,
Въ молитвѣ подвизаясь,
Жиль отрокъ Михаилъ.

Вошли въ соборный храмъ...
Всѣ пали на колѣна
И челобитье слезное
Представили царю.
Но юный Михаилъ
И инокиня Марфа,
Смиренья полные,
Не вняли ихъ мольбамъ.
— „Нѣтъ, нѣтъ, на тяжкое мытарство
„Я сына не отдамъ, сказяла Марфа.
„Благодаримъ за честь... Другіе есть
„И старше и умнѣй..
„Полетъ пускай поднимаетъ выше
„Двуглавый, царственный орелъ.
„Тяжелъ удѣлъ земныхъ царей.
„Тяжка и шапка Мономаха.“*

Сказала и тотчасъ
Глухія, тяжкія рыданья
Наполнили весь храмъ

— „Помилуй Русь и страждущее царство.
„Не мы, Владычица Святая,
„Царица неба и земли
„Привѣтствовать пришла
„Тебя, царемъ Россіи . . .
„Ея велѣньямъ покорись . . .

.
.
.

Д. А.

*) Слова Львова.

Свершилось все... Царь юный,
Упавъ передъ иконой,
И, теплую проливъ слезу,
Молитвенно воскликнулъ:
О. Матерь Божія! Я рабъ твой.
Спаси и соблюди меня!

* * *

Рыданья стихли...
Средь наступившей тишины
Старица мать, взявъ руку сына,
И вмѣстѣ преклонивъ колѣна
Предъ Заступницей святой,
Великое сказала слово:
„Въ Твою Пречистую Десницу
„Я сына нынѣ предаю.“
„Храни Владычица Святая,
„Устрой полезная ему
„И даруй чрезъ него спасенье
„Всѣмъ людямъ Русскимъ на землѣ.

* * *

Воскресла Русь. Окрѣпло царство.
Возликовалъ честной народъ.
Исчезли смуты и коварства.
На тронѣ сѣлъ Романовъ родъ!!!

* * *

О. Вы, сыны Россіи славной!
Молитесь съ вѣрой въ этотъ день,
Чтобы хранилъ Господь Державный
На ползу родины своей
Царей престолы, правду, милость...

* * *

Учитесь вы любить отчизну,
Любить царей, любить народъ;
Страдать за вѣру и святыни
Въ години бури и невзгодъ.
Чтобъ ваши славные потомки,
Читая книги вашихъ дней,
Еще сильнѣй воспламенялись
Любовью къ родинѣ своей...

Ученикъ Самарской Гимназіи Б. Д.

Къ вопросу о происхожденіи, сущности и причинахъ русскаго раскола.

Зимній вечеръ . . . Ъхать дальше было нельзя: поднималась вьюга. Необходимо было заночевать у гостепріимнаго священника. Село, въ которомъ я остался ночевать, имѣло очень много раскольниковъ. Батюшка оказался интереснымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, у насъ начались разговоры о погодѣ . . . Мало-по-малу мы перешли на серьезныя темы и сами не замѣчали, какъ разговоръ нашъ принялъ научный характеръ. Школа, отношенія крестьянъ къ ней и пр., и наконецъ, расколъ-его происхожденіе, сущность и причины. Батюшка много читалъ по этому вопросу и я интересовался имъ. Вопросъ старый и, пожалуй, избитый, но мы увлеклись имъ и бесѣда наша затянулась далеко за полночь.

Между прочимъ, и меня и моего собесѣдника заинтересовала небольшая монографія извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы (1871 г. апрѣль), прочитанная нами въ этотъ вечеръ. Мой собесѣдникъ указалъ на эту статью потому, что въ ней высказывался другой взглядъ на причины раскола по сравненію со взглядомъ извѣстныхъ изслѣдователей раскола-преосвященнаго Макарія и проф. Щапова. Насъ обоихъ волновала мысль: правъ ли былъ Костомаровъ, высказывая свой взглядъ въ упомянутой монографіи, или нѣтъ? За неимѣніемъ необходимыхъ книгъ въ этотъ разъ къ опредѣленному рѣшенію мы не пришли, но я далъ батюшкѣ слово заняться этимъ на досугѣ и сообщить ему письмомъ о результатахъ моихъ изысканій. Вѣрно-ли я понялъ и оцѣнилъ взглядъ Костомарова на расколъ, или нѣтъ-пусть судятъ читатели.

Вотъ что я описалъ моему уважаемому собесѣднику.

Извѣстно, что вопросомъ о происхожденіи, сущности и причинахъ русскаго раскола занимались очень многіе изслѣдователи и почти каждый изъ нихъ предлагалъ свои собственные мнѣнія для его рѣшенія. По этому поводу авторъ

одной статьи о происхождении раскола въ русской церкви справедливо замѣчаетъ¹⁾, что „пока идетъ предварительная работа (у изслѣдователей раскола), пока вниманіе обращается только на историческія причины, предшествовавшія появленію на Руси раскола, кажется какъ будто и хорошо; а какъ скоро эти историческія причины должны оказаться дѣйствующими, чтобы произвести явленіе раскола въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, при извѣстныхъ лицахъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, словомъ, когда расколъ изъ области возможнаго долженъ перейти въ область дѣйствительнаго, тутъ-то и оказывается, что какъ будто найденныя причины вовсе не были дѣйствующими, что онѣ существовали сами по себѣ, а расколъ самъ по себѣ, и предварительная вѣковая подготовка такъ и осталась только подготовкою, а самое явленіе произошло отъ причинъ чисто случайныхъ, условныхъ и временныхъ. Авторъ этой статьи разумѣетъ здѣсь изслѣдованія преосвящ. Макарія и проф. Шапова. Преосвящ. Макарій въ своей „Исторіи русскаго раскола“, какъ извѣстно, говоритъ о появленіи, такъ называемыхъ, раскольничьихъ мнѣній, о ихъ развитіи и укрѣпленіи въ народѣ. „Недостатокъ этого взгляда состоитъ въ томъ, справедливо замѣчаетъ Благовѣщенскій, „что расколу приписывается слишкомъ условное, случайное и, такъ сказать, личное происхожденіе. Очень естественно, что при такомъ взглядѣ на расколъ казалось совершенно возможнымъ подавленіе его въ самомъ началѣ, если только патріархъ Никонъ не оставлялъ Москвы и дѣлъ патріаршескихъ“²⁾. „Совершенно противоположнымъ недостаткомъ страдаетъ изслѣдованіе г. Шапова, „О причинахъ русскаго раскола,“ продолжаетъ Благовѣщенскій. „Здѣсь слишкомъ много обращено вниманія на историческую подготовку и почти совершенно оставлены безъ вниманія условныя и собственно дѣйствующія причины раскола. Поэтому, читая его сочиненія, вы пони-

¹⁾ Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1866 г., апрѣль, стр. 497—ст. Н. Благовѣщенскаго „О происхожденіи раскола въ русской церкви“.

²⁾ Тамъ же, стр. 498.

маете возможность происхожденія въ русской церкви раскола, но не можете объяснить себѣ, какимъ способомъ онъ образовался. Кажется, что какъ будто авторъ, предполагая расколъ существующимъ, хотѣлъ сказать своимъ читателямъ только то, что „нечего удивляться, что расколъ существуетъ, потому что это явленіе вовсе не выходитъ изъ области возможнаго“¹⁾.

Историкъ Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи „Исторія раскола“²⁾, въ общемъ соглашаясь со Щаповымъ въ своихъ взглядахъ на причины раскола, видитъ однако въ немъ нѣчто новое, оригинальное, чего мы не находимъ у Щапова.

Для болѣе яснаго представленія взгляда Костомарова на расколъ, я постараюсь кратко воспроизвести содержаніе его монографіи.

Вы помните, что Костомаровъ на первыхъ страницахъ своей монографіи, очевидно, имѣя въ виду опровергнуть установившійся въ его время взглядъ на расколъ, какъ на религіозное движеніе, цѣлымъ рядомъ подобранныхъ историческихъ примѣровъ старается доказать недопустимость такого движенія въ странѣ, поражающей изслѣдователя своею холодностію къ религіи, полнѣйшимъ религіознымъ индифференцизмомъ, разлившимся широкою волною въ народной массѣ, въ странѣ, гдѣ господство эгоизма, грубости и жестокости во взаимныхъ отношеніяхъ доходило до невѣроятныхъ размѣровъ. „Пробѣгая событія, явленія и строй духовной жизни русскаго народа въ прежніе вѣка,“ какъ говоритъ Костомаровъ, „вникая въ его характеристическія черты, оставшіяся и въ настоящее время, мы готовы полагать, что едва ли въ христіанскомъ мірѣ была страна, менѣе подготовленная вообще къ религіознымъ движеніямъ, какъ русская, особенно великорусская. Религіозныя движенія несовмѣстимы съ холодностію къ религіи, а холодность къ религіи много разъ высказывается въ нашей исторіи. Мы только и слышимъ жало-

¹⁾ Тамъ же, стр. 499.

²⁾ Вѣстн. Европы, 1871 г. апрѣль.

бы на то, что народъ отдаляется отъ церкви, не хочетъ знать ее, не желаетъ и не живетъ по христіански“¹⁾

Въ этомъ случаѣ съ Костомаровымъ вполне согласенъ и проф. Щаповъ. Желая доказать, что у раскола нѣтъ рѣшительно никакихъ религіозныхъ интересовъ, г. Щаповъ говоритъ, что расколь, сосредоточившись въ массахъ земства, и не могъ взять на себя защиты вѣры, такъ какъ „христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне большею частію не знали, да и знать не могли, потому что они, по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла, какъ „люди зѣло простые, отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христось, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнію, „елико кто что умѣюще“. Притомъ самая большая часть велико-русскаго народа были ни что иное, какъ крещеная, обрусѣлая чудь, финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ, и слѣдовательно еще менѣе могла возставать противъ мнимаго поврежденія этихъ книгъ патріархомъ Никономъ“²⁾.

Когда дѣло идетъ о невѣжественной массѣ, то нечего удивляться холодности къ вѣрѣ и незнанію христіанскихъ истинъ и жизни по — язычески — это явленіе вполне естественное. „Но оказывается“, продолжаетъ Костомаровъ, „что отличались полною холодностію къ христіанству тѣ, которые, по своему положенію, ни какъ не могли не быть христіанами. Мы встрѣчаемъ неоднократныя жалобы въ подобномъ родѣ на духовныхъ. Въ XIII столѣтіи митрополитъ Кирилль нашель, что русскіе духовные до того пренебрегали своими обязанностями, что часто по долгу не служили, и въ особенности замѣтилъ, что отъ пасхи до пятидесятницы церкви стоятъ безъ богослуженія“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 471.

²⁾ Проф. Щаповъ. Земство и расколь, стр. 37.

³⁾ Костомаровъ, стр. 472.

Отъ массы и духовенства Костомаровъ переходитъ къ князьямъ, которые „имѣли возможность болѣе освоиться съ христіанскимъ благочестіемъ, чѣмъ масса народа, особенно сельскаго, — и что-же? Сколько ни расписываютъ лѣтописные риторы благочестіе и христіанское любіе русскихъ князей, но поступки послѣднихъ идутъ въ разрѣзъ съ этой риторикой“¹⁾.

Съ особенной, характерной для Костомарова, тщательностью и со свойственной ему талантливостью, живостью и увлекательностью, онъ въ дальнѣйшемъ на нѣсколькихъ страницахъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ исторіи, которые свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о маломъ уваженіи къ религіи, о скудости религіознаго чувства, нерѣдко проявлявшагося у нашихъ прежнихъ князей. Ростиславъ, братъ Владиміра Мономаха, утопилъ старца Григорія въ посмѣяніе надъ его прозорливостью. Одинъ изъ ростовскихъ князей, „посмѣянiя ради“, посадилъ на кобылку въ женской обуви преп. Авраамія. Галицкій князь Владимірко нарушаетъ крестное цѣлованіе и глумится надъ крестомъ. Въ междоусобіяхъ князей много примѣровъ, указывающихъ на отсутствіе христіанскаго духа. Во время взятiя Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, русскіе, подобно татарамъ, жгли, церкви, монастыри, грабили иконы, ризы. Набожность Андрея этому не препятствовала. Увезенный имъ образъ Богоматери былъ для него въ качествѣ амулета. Такимъ же образомъ поступаетъ Михаилъ Тверской съ жителями и съ церковною святынею при взятiи Торжка. Въ позднѣйшее время Василій Вас. Темный, взявши Галичъ, отдаетъ на разграбленіе и сожженіе монастыри и церкви. Новгородцы смѣются надъ чудотворнымъ образомъ Богородицы, взятымъ ими въ плѣнъ при покореніи Устюга и т. д.²⁾

„Такого рода обращеніе со святынею“, заключаетъ Костомаровъ, „по нашему мнѣнію, показываетъ, что въ русскомъ народѣ мало было даже и того наружнаго благоче-

1) Тамъ же.

2) Тамъ же, стр. 472—473.

стія, которое мы привыкли считать существовавшимъ въ высокой степени; что же касается до благочестія внутренняго, которое болѣе всего выражается страхомъ предъ дѣлами, противными божественному ученію, то его признаковъ мы видимъ еще меньше¹⁾).

Далѣе Костомаровъ дѣлаетъ экскурсію въ свято-отеческія творенія, надѣясь тамъ найти слѣды благочестія русскаго народа, но и здѣсь онъ получаетъ полное разочарованіе. „Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвигоположничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, говоритъ онъ, „не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторіку, даже не за самостоятельную по содержанию, а рутинно—повторяющую давніе византійскіе приемы; во вторыхъ—этиже самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подчасъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго являлись эти подвижники“²⁾).

Какъ на иллюстрацію своимъ мыслямъ Костомаровъ указываетъ на Стоглавъ, который изображаетъ состояніе древней русской церкви и христіанскаго благочестія не только времени его составленія, но и предшествующаго. А что же свидѣтельствуется Стоглавѣ? Изъ Стоглава узнаемъ слѣдующее:—церкви пустыютъ—богослуженіе рѣдкое; духовенство пьянствуетъ, богослуженіе совершается безчиннымъ образомъ; въ монастыряхъ пьянство и развратъ, духовенство невѣжественно и. т. д.

Вотъ характеристика общества времени, когда появилось религиозное движеніе, именуемое теперь расколомъ и которое

¹⁾ Тамъ же, стр. 473—74.

²⁾ Тамъ же, стр. 474.

постепенно охватило Русь и до сихъ поръ не прекратилось. „Казалось бы“, говоритъ Костомаровъ, „въ такомъ народѣ, у котораго религіозный индифферентизмъ составлялъ долгое время отличительное свойство, трудно было появляться ересямъ и расколамъ, а главное распространяться въ массахъ. Дѣйствительно, прежде если они и появлялись, то не проникали настолько въ народную жизнь, чтобы производить важный умственный и общественный переворотъ. Стригольники, жидовствующіе, Башкины, Косые—при всей относительной важности ихъ явленія въ свое время, всетаки обращались въ довольно маломъ кругу дѣйствія сравнительно съ массою русскаго народа. Тамъ, гдѣ господствуетъ индифферентизмъ вмѣстѣ съ невѣжествомъ—для религіозныхъ броженій, повидимому, нѣтъ никакихъ элементовъ“¹⁾).

Однако расколъ появился. Давать обычное объясненіе появленія раскола недовольствомъ исправленія книгъ нельзя, такъ какъ подобныя недовольства въ такихъ случаяхъ обычное явленіе, тѣмъ болѣе это недовольство вначалѣ было достояніемъ одного духовенства. Большинство же русскаго народа отнеслось къ этому дѣлу съ обычнымъ предковскимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, какъ и слѣдовало ожидать. „Коль скоро принялись за переправку книгъ“, говоритъ Костомаровъ, „какъ скоро явилась какая бы то ни было новизна въ области религіи—необходимо должны были этому воспротивиться люди старины, люди рутины, люди буквы: это неизбежно по закону человѣческихъ дѣйствиій, иначе быть не могло, иначе человѣкъ русскій не былъ бы вообще человекомъ. Какимъ хладнокровіемъ не отличалась масса, невозможно было, чтобы изъ нея не выдавались люди болѣе горячіе, съ большимъ участіемъ къ общему дѣлу, склонные идти въ ту или другую сторону, впередъ или назадъ, помогаясь нововведеніямъ, или упорно защищая старину. Аввакумы, Лазари, Капитоны были явленія вполне законныя, неизбежныя во всякомъ обществѣ, во всякихъ его формахъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 480.

Но отчего же ихъ проповѣдь возымѣла такое вліяніе, отчего народныя массы долгое время шли за ихъ проповѣдью и развивали ее въ многоразличныхъ видахъ? Отчего ихъ упорство, имѣвшее цѣлью поддерживать ветхое, сдѣлалось сигналомъ совершенно новыхъ явленій въ народной жизни? ¹⁾ Причины раскола кроются, по словамъ Костомарова, въ слѣдующемъ: „во — первыхъ, въ духовенствѣ существовало раздраженіе противъ своей же власти; во — вторыхъ, въ народѣ существовало недовольство управленіемъ и вообще тогдашнимъ порядкомъ вещей, недовольство, которое предъ тѣмъ не разъ уже проявлялось открытыми возмущеніями. Между духовными нашлись личности, сдѣлавшіяся распространителями противодѣйствія реформъ, исходившей отъ ненавистныхъ имъ властей, а въ народѣ нашлась значительная масса такихъ, которые готовы были пристать ко всему, что увеличивало а тѣмъ болѣе освящало ихъ прежнее раздраженіе противъ власти вообще“ ²⁾.

Изъ приведенныхъ словъ Костомарова само собою вытекаетъ тотъ выводъ, что всѣ споры, поднятые кучкой лицъ по поводу исправленія книгъ, въ сущности не имѣли никакого значенія въ глазахъ народа. Это было только поводомъ и поводомъ случайнымъ къ тому взрыву народнаго недовольства, которое затѣмъ послѣдовало. Если бы не подвернулось на этотъ разъ исправленіе книгъ, затѣянное ненавистнымъ для духовенства человѣкомъ, то все равно взрывъ народнаго негодованія былъ бы и поводъ къ тому былъ бы найденъ. „Охоты къ возмущеніямъ и безъ того уже было много. Чтобы понять, почему оппозиція противъ реформъ находила, какъ въ это, такъ и въ послѣующее время, отголосокъ и сочувствіе въ народной массѣ, нужно имѣть въ виду вообще духъ народа того времени“ ³⁾.

Все изслѣдованіе о расколѣ Костомаровъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „расколъ поддерживался отсутствіемъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 481.

²⁾ Тамъ же, стр. 482.

³⁾ Тамъ же, стр. 484.

народнаго образованія, и что просвѣщеніе есть единственное средство къ его искорененію!... При столкновеніи съ наукою расколь тотчасъ оказывается несостоятельнымъ; все, что онъ доставлялъ народу по отношенію къ умственному развитію, явится чрезъ чуръ слабымъ, одностороннимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что, для той же цѣли, можетъ дать правильное образованіе, и все, на чемъ расколь держится, какъ несогласіе съ господствующею православною церковью, все это, съ усвоеніемъ большей широты и вѣрности взгляда, покажется самимъ раскольникамъ до того лживымъ, мелочнымъ и безразличнымъ, что они сами, безъ всякихъ особыхъ средствъ къ ихъ обращенію, откажутся отъ своихъ толковъ¹⁾

Статью Костомарова, помнится, мы резюмировали въ слѣдующихъ выраженіяхъ: расколь есть (по Костомарову) въ сущности свой прогрессивное, новое явленіе, вызванное стремленіемъ народа выйти изъ мрака невѣжества, стремленіе къ критической мысли и самообразованію. Что касается причинъ, вызвавшихъ расколь, то ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: 1) недовольство духовенства противъ своей духовной власти и 2) недовольство народа правительствомъ и вообще тогдашнимъ порядкомъ вещей. Во главѣ движенія вначалѣ стало духовенство, а къ нему примкнуло недовольное правительствомъ общество на первыхъ порахъ въ маломъ количествѣ, а послѣ соборовъ 1666—97 г. г. отъ церкви отторглась значительная ея часть.

Правъ ли Костомаровъ?—вотъ вопросъ, который интересовалъ насъ.

Костомаровъ цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ доказываетъ отсутствіе въ русскомъ народѣ, во всѣхъ его слояхъ, не только внутренняго, но даже и наружнаго благо-

¹⁾ Тамъ же стр. 498. Пророчество Костомарова, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не сбылось, хотя прошло уже почти полвѣка съ тѣхъ поръ какъ оно высказано. За это время многое по отношенію къ расколу измѣнилось; образованіе, хотя и медленно, но движется впередъ—тѣмъ не менѣе расколь остается расколомъ. Слѣдовательно, причины раскола кроются въ чемъ—то другомъ, а не въ томъ, въ чемъ хотѣлъ ихъ видѣть Костомаровъ.

честія, причину котораго онъ видитъ въ индифферентномъ отношеніи русскаго народа къ религіи, а это послѣднее указываетъ на скудное духовное просвѣщеніе. Въ древней Руси, по Костомарову, господствовалъ „индифферентизмъ съ невѣжествомъ“.

Что касается духовнаго просвѣщенія въ древней Руси и вообще образованія, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ вопросъ, какъ извѣстно, является въ исторіи въ высшей степени вопросомъ спорнымъ. Историки и изслѣдователи—западники относятся отрицательно къ древне-русскому просвѣщенію, а наши славянофилы преувеличиваютъ значеніе его. (Впрочемъ, Хомяковъ это просвѣщеніе представляетъ въ темныхъ краскахъ). Тѣмъ не менѣе всѣ историки сходятся въ томъ, что религіозное просвѣщеніе положило начало образованію на Руси.

О крайнемъ невѣествѣ русскаго народа, его индифферентизмѣ и о жалкомъ состояніи образованія въ средѣ духовенства заключаютъ по оправдательной челобитной Арсенія Глухого, которую онъ писалъ изъ заключенія боярину Салтыкову. Онъ пишетъ, что хулители и клеветники его, „не зная ни православія, ни кривославія точію по чернилу проходили божественная писанія; иные едва и азбуки умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ кои въ азбуцѣ письмена гласныя, и согласныя, и дwoегласныя; а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды, и числа, и времена, и лица, званія же и залoги, то имъ ниже на разумъ всхаживаю. Священная же философія и въ рукахъ не бывапа, ея же кто во искусѣ не бываль, удобь можетъ погрѣшати не точію въ Божественныхъ Писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, аще и естествомъ остроумень будетъ. Ни родовъ, ни временъ, ни лицъ не разумѣя, невозможно право и здраво въ Божественныхъ Писаніяхъ слогъ знати“¹⁾.

Но, во—первыхъ, тотъ уже фактъ, что на Руси явилась группа справщиковъ, людей образованныхъ, изучившихъ

¹⁾ Твор. Св. Отцовъ, Прибавл. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ XVII в.“ стр. 152—153.

грамматику и „священную, философію“, знающихъ греческій языкъ, показываетъ, что на Руси тогда были люди високаго, по тому времени, образованія; во-вторыхъ, Арсеній пишетъ не о всѣхъ, а обличаетъ невѣжество своихъ клеветниковъ, а много ли ихъ было? Не тогда только, а и теперь есть люди, хотя ихъ и не много, привязанные къ буквѣ и формѣ, готовые изъ-за несоблюденія обряда метать громы и провозглашать нарушителей нечестивцами. Наконецъ, челобитная писалась въ защиту, подъ вліяніемъ тяжкихъ оскорбленій и обвиненій, при этомъ трудно соблюсти мѣру и безпристрастіе. Противники называли Арсенія еретикомъ, а онъ ихъ круглыми невѣждами. Но дѣло было вовсе не въ грамматикѣ, а въ фанатически сильной привязанности къ старинѣ, которая богослужебныя книги считала наравнѣ съ свяш. писаніемъ непогрѣшимыми, „и въ тѣхъ книгахъ“, писалъ старецъ Филоеѣй, „ни у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единого слова не должно“.

Если мы обратимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, то увидимъ, что далеко не всѣ раздѣляли отрицательный взглядъ на образованіе. Въ одной, напр., рукописи XVII вѣка авторъ ставитъ вопросъ: „учиться-ли намъ полезнѣе грамматикѣ, риторикѣ, философіи и теологіи и стихотворному художеству и оттуду познавати божественныя писанія, или не учася симъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати и что лучше учиться россійскимъ людямъ греческаго языка, а не латинскаго“. Авторъ отвѣчаетъ „простота сугуба есть; она — незлобіе глаголется, еже есть (добродѣтель терпѣнія и непамятозлобіе и не мщеніе обидящимъ; оно же *невѣжество*, рекше *неученіе*, въ немъ же содержителя невѣжество Божіею закона, *еже злоба есть преглубока*“, „Невѣжество есть *тьма*, ослѣпляющая умныя очи, и есть, и глаголется, *ученіе же ясныя луча* есть, ею же невѣжества тьма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и есть веліе благо“¹⁾.

¹⁾ Рукоп. Соф. Библ., въ С.-Петербур. Дух. Акад. № 423.

Что изученіе грамматики и „священной и богословіи“ еще не было во времена Арсенія всеобщимъ, это невозможно допустить, но дѣлать отсюда выводъ о крайнемъ невѣжествѣ духовенства и народа—едва ли справедливо.

Не надо забывать того, что въ патриаршій періодъ основано было до 175 монастырей,¹⁾ а они, безъ сомнѣнія, были пріютами просвѣщенія.

Вотъ почему, намъ думается, проф. Лешковъ въ своихъ изслѣдованіяхъ приходитъ къ тому заключенію, что широкое распространеніе грамотности было уже въ XV вѣкѣ. „Грамотность“, пишетъ онъ, „несомнѣнно была весьма распространена въ это время, судя по особому устройству быта, администраціи и судопроизводства въ Россіи. Сошное письмо и разнообразныя книги, опредѣлявшія права и обязанности крестьянъ, посадскихъ и городскихъ жителей, и возбуждавшія въ нихъ потребность въ различныхъ выписяхъ изъ этихъ документовъ; противни или копіи рѣшеній, выдававшихся, по Судебнику, старостамъ почти по всѣмъ дѣламъ, во всѣхъ общинахъ для спора, то есть, въ предупрежденіе спора; покруты и порядочныя, или условія крестьянъ съ владѣльцами, равно какъ и поручныя записи и сельскіе приговоры, и необходимость рукоприкладства при выборахъ, свидѣтельствахъ и т. п. актахъ,—все это уполномочиваетъ сказать, что *грамотность* на Руси едва ли не была *всеобщею*“²⁾ Это мнѣніе ученаго юриста-историка, высказанное еще въ 1858 г., вполне основательно, фактически доказано изслѣдованіемъ проф. Соболевскаго, который съ ученою осторожностью и безпристрастіемъ подвергъ тщательному изслѣдованію многочисленныя юридическія акты эпохи XV—XVI в. и пришелъ къ тому же выводу, что и Лешковъ относительно грамотности русскаго народа въ эту эпоху³⁾ „Мы привыкли думать“, говоритъ проф. Соболевскій, „что среди русскихъ этого времени было очень немного грамотныхъ, что духовен-

¹⁾ Филаретъ. Исторія Р. Ц. IV, стр. 310.

²⁾ Проф. Лешковъ. Русск. нар. и Госуд. стр. 426 и д.

³⁾ Проф. Соболевскій. Образованность Московской Руси XV—XVI в. С. П. Б. 1892 г. (Актовая рѣчь).

ство было отчасти малограмотно, отчасти безграмотно, что въ высшемъ свѣтскомъ сословіи грамотность была слабо распространена, что низшій классъ представлялъ безграмотную массу. Мы привыкли при этомъ ссылаться на грамоту новгородскаго архіепископа Геннадія (самаго конца XV вѣка), на постановленіе Стоглаваго собора и особенно на рассказы иностранцевъ. Но ближайшее знакомство съ московскою письменностью XV и особенно XVI-XVII вѣковъ заставляеть насъ въ значительной степени измѣнить мнѣніе и признать, что жалобы Геннадія и отцовъ Стоглаваго собора должно принимать съ большими ограниченіями.¹⁾

Перечисленные нами факты изъ исторіи и историческихъ документовъ, повторяемъ, едва ли могутъ давать право Костомарову на утвержденіе, что расколь есть „явленіе новое, чуждое старой Руси“, что онъ „явленіе новой, а не древней жизни“, и „что въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью, — раскольникъ же читалъ и пытался создать себѣ ученіе“ и т. д. Можно ли послѣ этого согласиться съ Костомаровымъ, который утверждаетъ, что народъ русскій не былъ подготовленъ къ религіознымъ движеніямъ, „что народъ не зналъ, что было прежде и долго бы не распозналъ, что сдѣлаось вновь, оставаясь въ своей обычной темнотѣ.“ Намъ думается, наоборотъ, что именно русскій-то народъ того времени, воспитанный на духовныхъ книгахъ и не читавшій ничего другого кромѣ духовныхъ книгъ, (а что народъ читалъ эти книги, видно изъ изслѣдованій проф. Соболевскаго и Лешкова), именно и подготовленъ былъ къ религіознымъ движеніямъ въ той формѣ, въ какой мы видимъ ихъ разыгравшимися при Никонѣ. Народъ того времени не настолько былъ „темень“, чтобы отнестись равнодушно къ тому, что давала реформа Никона. Почему именно народъ отнесся къ этому такъ, а не иначе, или что то-же почему появился расколь, это вопросъ другой и разрѣшеніе его не входитъ въ рамки настоящей замѣтки; мы хотѣли только

¹⁾ Тамъ же. стр. 3—4.

сказать, что взгляд Костомарова на раскол, как на явление прогрессивное, по нашему мнѣнію, не только односторонній, но и ошибочный.

Нельзя согласиться также съ Костомаровымъ по вопросу о религіозномъ индифферентизмѣ русскаго народа и его невѣжествѣ; намъ думается, что онъ слишкомъ въ этомъ случаѣ сгустилъ краски въ ущербъ истинѣ.

Правда, древніе памятники Руси свидѣтельствуютъ и объ отрицательныхъ сторонахъ религіи нашихъ предковъ, подчасъ граничащихъ съ язычествомъ; правда и то, что наши предки слишкомъ большое и, пожалуй, даже всецѣлое значаніе придавали формѣ, чѣмъ внутреннему содержанію религіи, но не надо забывать, что у нашихъ предковъ за обрядностью всегда скрывалось сильное религіозное чувство, часто при этомъ переходящее въ суевѣріе. Нравственная сторона христіанства тоже не была вполне понята, что особенно и рельефно сказалось, напр., на Іоаннѣ Грозномъ. По нашему мнѣнію—это-то религіозное чувство, свойственное русскому народу, и сыграло впоследствии большую роль въ тѣхъ религіозныхъ движеніяхъ, которыя разыгрались въ XVII и XVIII вѣкахъ. Поэтому еще разъ повторяемъ, что трудно согласиться съ Костомаровымъ во взглядѣ на индифферентизмъ и невѣжество до-реформенной Руси. Правда, утвержденіе Костомарова отчасти справедливо, но не полно. Многіе факты изъ исторіи, литературныхъ памятниковъ и историческихъ документовъ могутъ намъ показать, что Русь до-реформенная не такъ уже была невѣжественна и индифферентна, какъ представилъ ее Костомаровъ въ своей монографіи.

Надо замѣтить, что взглядъ на расколъ Костомарова и Шапова раздѣляютъ и другіе изслѣдователи русскаго раскола: Андреевъ, Юзовъ, Пругавинъ, Харламовъ. Общая мысль у изслѣдователей этой группы одна—что расколъ есть явление не столько религіозное, сколько соціальное, иначе—протестъ земства, общества во всей его совокупности противъ

правительства въ защиту своей самобытности и своихъ правъ. Изъ приведенныхъ нами выше выдержекъ изъ монографіи Костомарова можно усмотрѣть, что взглядъ этихъ изслѣдователей односторонень. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что расколь былъ явленіемъ социальнымъ; быть таковымъ онъ имѣлъ много поводовъ; но зачѣмъ тогда сюда же впутывать религіозные споры, отъ присоединенія которыхъ расколь, кажется, ничего не выигрывалъ. „Довольно трудно понять“, говоритъ проф. Громогласовъ, „для чего могла бы понадобиться такая маскировка и какія преимущества для земскаго и социальнаго протеста могли происходить оттого, что онъ ставилъ себя подъ знамя сугубой апиллуи и подводилъ подъ тяжесть церковной анафемы“¹⁾ „Если раскольники“, говоритъ Нильскій, „не затруднялись и устно и письменно величать напр. власть антихристомъ и за это жертвовали иногда спиной и головой, то еще меньше они могли стѣсняться высказывать свои менѣ фанатичныя стремленія, хотя бы эти стремленія выражали недовольства земства абсолютизмомъ власти, нарушившей древнія права и преимущества народа. Раскольники очень хорошо знали, что и за одно двуперстіе, такъ же, какъ за неповиновеніе власти можно было въ былыя времена попасть въ Сибирь и даже испытать удовольствіе отъ батоговъ, кнута, плетей и пр. Значить, скрываться и лицемѣрить имъ не было побужденій и расчета“.²⁾ Кромѣ того, если бы религіозныя вѣрованія раскольниковъ были только оболочкой, какъ думаютъ Костомаровъ и проф. Щаповъ, подъ которой они стараются скрыть свои политическія тенденціи, въ такомъ случаѣ раздоръ разныхъ толковъ раскольничьихъ между собою изъ—за вѣрованій, доходящій часто до открытой вражды, былъ бы немыслимъ, а это мы видимъ на дѣлѣ, что филипповцы, напр., чуждаются странниковъ, а странники въ свою очередь не шадятъ оскорбительныхъ наименованій для филипп-

¹⁾ Проф. Громогласовъ. О сущности и причинахъ русскаго раскола стороообрядчества. Богосл. Вѣстн. апрѣль 1895 г. стр. 45.

²⁾ Христ. чтеніе 1864 г. ч. II я стр. 53. Статья Нильскаго: „Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ.“

повцевъ.¹⁾ Наконецъ, изъ сочиненій вожаковъ раскола съ очевидностью ясно, что эти борцы ратовали исключительно за вѣру, за нее же подвергали себя опасности и терпѣли мученія. Правда, къ этому движенію очень рано стали примѣшивать соціальный политическій элементъ, но всетаки это было сдѣлано не одновременно съ возникновеніемъ споровъ о вѣрѣ, а является въ дальнѣйшемъ развитіи раскола, какъ его осложненіе. На первыхъ порахъ эта мысль красной нитью проходитъ не только въ сочиненіяхъ вождей раскола, но и во всѣхъ челобитныхъ, поданныхъ отъ людей оппозиціонно настроенныхъ. „Общее содержаніе всѣхъ челобитныхъ и. т. под. сочиненій,“ говоритъ проф. Громогласовъ, „таково: до Никона на Руси православіе было чисто и непорочно и церковь немятежна; Никонъ искажилъ вѣру и законы церковныя, внесъ многія ереси въ новопечатныя книги; православнымъ не должно слушаться его новыхъ ученій; нужно отвергнуть еретическія новшества и сохранить древле-преданное отцами благочестіе чисто и неповрежденно, и т. д. Протестъ, такимъ образомъ, заявляется исключительно противъ церковныхъ мѣропріятій въ области богослужебнаго обряда и идетъ преимущественно отъ духовенства бѣлаго и чернаго, т. е. отъ такихъ лицъ, для которыхъ чисто земскіе интересы были дѣломъ довольно постороннимъ.“²⁾ „Прочитайте любое сочиненіе раскольническое второй половины и конца XVII вѣка“, говоритъ г. Нильскій, „и вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ горькихъ, слезныхъ жалобъ на то, что Никонъ повредилъ древнюю, правую вѣру, что русская церковь впадала въ ереси, что принадлежать къ ней нынѣ значитъ подвергать опасности вѣчное спасеніе, что всякій, кто дорожитъ царствомъ небеснымъ, долженъ оставить церковь и ея послѣдователей, бѣжать въ пустыни и тамъ устроить свое спасеніе, а въ случаѣ нужды, въ случаѣ преслѣдованій со стороны еретиковъ, даже сожигаться.“³⁾

¹⁾ Сборн. правит. распоряж. о раскольникахъ—вып. IV, стр. 251 и 267.

²⁾ Проф. Громогласовъ. О сущн. и прич. русск. раскола стр. 46.

³⁾ Христ. чтен. 1864 г. ст. Нильскаго, стр. 54.

Противорѣчить высказанному Костомаровымъ взгляду также и то обстоятельство, что расколоучители на первыхъ порахъ ничего не имѣли противъ царя, къ которому они обращаются съ жалобой на Никона и просятъ объ его удаленіи съ патріаршаго престола. Когда эта просьба не была удовлетворена, а, напротивъ, расколоучителей подвергли преслѣдованію, тогда они смиряются со своимъ положеніемъ. Протопопъ Аввакумъ писалъ по этому поводу царю Алексѣю Михайловичу: „елико ты насъ оскорбляешь больши и мучишь и томишь, толико мы тебя больше любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей“*), Челобитная соловецкихъ старцевъ показываетъ намъ, что тѣ событія, которыя случились въ монастырѣ, вызваны были совсѣмъ не протестомъ противъ государственной власти, а другими обстоятельствами. Любопытно, что Костомаровъ, приводя въ своей монографіи челобитную старцевъ Соловецкаго монастыря, въ который, по его словамъ „собрались горячіе приверженцы старыхъ формъ“, не заканчиваетъ ее, а обрываетъ на срединѣ. Тогда какъ, по нашему мнѣнію, вторая половина челобитной какъ разъ свидѣтельствуемъ о томъ, что мятежнаго духа противъ царской власти у этихъ защитниковъ и приверженцевъ „старыхъ формъ“ не было. „Аще ли ты“, читаемъ мы во второй половинѣ челобитной соловецкихъ старцевъ, „великій государь нашъ, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданнѣй, въ старой вѣрѣ быти не благоволишь, и книги перемѣнити изволишь, милости у тебя, государя, просимъ: помилуй насъ, не вели, государь, больши того къ намъ учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнить, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царьской, и отъ сего мятежнаго житія переселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе; а мы

*) Богосл. Вѣстн. 1895 г. апрѣль стр. 47. Статья проф. Громогласова.

тебѣ, великому государю, не противны; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ просимъ и вси съ покаяніемъ и съ воспріятіемъ на тебя великаго ангельскаго чину на той смертной часъ готовы“. Челобитная соловецкихъ старцевъ вполне можетъ увѣрить каждаго, что никакихъ политическихъ замысловъ у нихъ не было.

«Если же», говоритъ проф. Громогласовъ, „расколъ старообрядчества въ эпоху своего возникновенія и въ первое время своего существованія представляетъ исключительно религіозно-церковное движеніе, желающее при томъ же стать подъ защиту государственной власти, то видѣть его сущность въ земскомъ протестѣ противъ государства, а его причину—въ язвленіяхъ политической и соціальной жизни русскаго народа значить возставать противъ очевидности и выдавать послѣдующее и случайное за первоначальное и существенное“.¹⁾

Что касается второй причины происхожденія раскола, указанной Костомаровымъ,—недовольства духовенства противъ своей духовной власти,—то мы вполне раздѣляемъ этотъ взглядъ, но при этомъ опять таки повторяемъ, что Костомаровъ не вправѣ былъ основывать свои выводы на этихъ только двухъ причинахъ. Костомаровъ вполне справедливо замѣчаетъ, что Никонъ не могъ пользоваться любовью духовенства. Онъ былъ суровъ и строгъ до беспощадности. Понятно, какъ все это должно было казаться тяжелымъ людямъ, привыкшимъ къ жизни свободной и своейвольной, особенно духовенству московскому, изъ котораго многіе знали Никона еще простымъ священникомъ. Но при этомъ не надо забывать и того обстоятельства, которое, по видимому, Костомаровъ игнорируетъ. Въдѣ не меньшую неприязнь питали къ Никону и бояре и это неприязнь не только могла, на и на самомъ дѣлѣ сыграть нѣкоторую роль, пожалуй, даже не меньшую въ дѣлѣ раскола, чѣмъ указанная Костомаровымъ. Никонъ, какъ извѣстно, самъ часто давалъ боярамъ поводъ къ неудовольствіямъ разнаго

¹⁾ Тамъ же. стр. 48.

рода и самъ былъ отчасти виною того, что интриги придворныя сосредоточивались почти на немъ одномъ. Мало по малу бояре, недовольные Никономъ, сплотились и рѣшили погубить его. Во время борьбы съ нимъ, понятно, не пренебрегали никакими средствами. Вліяніе бояръ на расколъ, хотя и не было прямымъ, но косвенное вліяніе было. Въ борьбѣ съ Никономъ бояре не гнушались клеветою на его мнимое еретичество и, можно предпогагать, давали возможность расколоучителямъ дѣйствовать противъ него съ большей свободою.

Въ заключеніе нашей работы слѣдуетъ сказать и о томъ, что характерной чертой всѣхъ изслѣдованій о расколѣ какъ прежнихъ, такъ и современныхъ, по нашему мнѣнію, является односторонность. Къ русскому расколу, намъ думается, можно подходить съ разныхъ сторонъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія: исторической, культурной и политической; при этомъ для каждой изъ нихъ есть основанія. И если изслѣдователь раскола будетъ преслѣдовать исключительно одну изъ этихъ точекъ, то онъ необходимо впадаетъ въ крайность.

„Простой, необразованный человѣкъ обыкновенно придаетъ внѣшне-обрядовымъ церковнымъ обычаямъ преувеличенное значеніе“, говоритъ проф. Голубинскій, „приравнивая ихъ къ догматамъ вѣры; догматы вѣры онъ мало знаетъ или совсѣмъ не знаетъ, а обрядовые обычаи составляютъ то, что онъ самъ обязательно исполняетъ или видитъ обязательно исполняемымъ, и онъ привыкаетъ полагать въ обычаяхъ самое существо вѣры или принимать ихъ за это существо, при чемъ обыкновенно производитъ ихъ отъ самого Христа и апостоловъ и представляетъ дѣло такъ, будто Христосъ и апостолы установили ихъ въ одномъ, навсегда имѣющемъ оставаться неизмѣннымъ, видѣ. У всѣхъ народовъ низшая необразованная часть людей приравниваетъ обычаи относительно ихъ важности къ догматамъ вѣры. Но если не имѣетъ просвѣщенія цѣлый народъ, тогда цѣлый народъ и впадаетъ въ ту ста-

новящуюся его характерною чертою крайность, чтобы приравнять обычаи къ догматамъ вѣры. Этотъ послѣдній случай и имѣлъ мѣсто съ нашими предками. Если же обычаи суть то же, что догматы и имѣютъ одинаковыя съ ними важность и значеніе, то недопустимо, чтобы какой—либо обычай могъ одновременно существовать въ нѣсколькихъ формахъ. Какъ всякій догматъ, выражая собою какую-нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина одна и неизмѣняема, иначе—какъ всякій догматъ не можетъ имѣть нѣсколько видовъ, чтобы утверждать не одно что-нибудь, а одно и другое и третье, напр., что Іисусъ Христосъ есть Богъ и не Богъ, что Онъ есть Богочеловѣкъ и не Богочеловѣкъ: такъ и обычаи, по мнѣнію людей, которые приравниваютъ ихъ къ догматамъ, очевидно, могутъ имѣть только одну неизмѣнную форму. А такимъ образомъ, съ точки зрѣнія людей, приравнивающихъ обычаи къ догматамъ, только одна извѣстная форма какого-нибудь обычая можетъ быть истинною и православною, всѣ же другіе формы неистинны и неправославны и совершенно такъ же, какъ несогласіе и разногласіе по отношенію къ догматамъ, представляютъ изъ себя ересь“¹⁾. „Религія явилась какъ средство занять тѣхъ“, говоритъ Андреевъ, „чьа склонность къ мышленію могла естественно остановиться только на религіозной почвѣ, такъ какъ въ народной массѣ распространены были только церковныя книги, а мышленіе народныхъ массъ обыкновенно направляется запасами свѣдѣній, которыми онѣ располагаютъ“²⁾. Такимъ образомъ, возродившись на этой почвѣ, расколъ росъ и укрѣплялся, по нашему мнѣнію, на упорствѣ и нежеланіи сдѣлать уступки какъ съ той, такъ и съ другой стороны. „Во всякомъ расколѣ, какъ и въ нашемъ“, говоритъ проф. Ивановскій, одинъ существенный и необходимый признакъ, это—*противленіе*. Отнимите этотъ признакъ и раскола не будетъ, а бу-

¹⁾ Проф. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами стр. 4—5.

²⁾ Андреевъ. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. стр. 8.

деть что-нибудь другое; приложите этот признак къ какому угодно церковному явленію и будетъ расколъ“¹⁾). Главной же причиной раскола было то, что въ область Церкви было внесено нецерковное начало, которымъ пользовались Никонъ и правительство. Поэтому нельзя не согласиться съ Костомаровымъ и мы вполне раздѣляемъ его мнѣніе относительно уступокъ, которыя слѣдовало бы сдѣлать раскольникамъ. Будь сдѣланы эти уступки своевременно и тогда образовалось бы единовѣріе, которое явилось въ концѣ XVIII вѣка.

Свящ. А. Н—ій.

Къ вопросу объ открытіи школы для подготовки образованныхъ діаконѳвъ и псаломщиковъ.

Однимъ изъ наиболее важныхъ вопросовъ, бывшихъ предметомъ сужденія Епархіального Съѳзда сессіи 1912 года, безусловно должно считать вопросъ объ открытіи школы для подготовки образованныхъ діаконѳвъ и псаломщиковъ. Какъ видно изъ резолюціи Его Преосвященства на журналѳ Съѳзда (Епарх. Вѳд. № 20 стр. 34), духовенству епархіи надлежитъ въ недалекомъ будущемъ „обсудить на благочинническихъ Съѳздахъ детально, съ указаніемъ: на какія средства, при какой организаціи и пр. должна быть открыта школа“. Въ виду особы важности, новизны и сложности возпоженной на благочинническіе съѳзды работы, предварительное всестороннее обсужденіе вопроса объ открытіи школы для подготовки образованныхъ діаконѳвъ и псаломщиковъ на страницахъ настоящаго журнала является безусловно необходимымъ.

Желаніе положить начало такому обсужденію и является ближайшей причиной появленія настоящей статьи.

Высказанныя на Епархіальномъ Съѳздѳ возраженія противъ открытія школы, несомнѳнно, будутъ выдвинуты и на большинствѳ благочинническихъ съѳздовъ, а посему прежде всего на разборѳ означенныхъ возраженій и остановимся.

¹⁾ Проф. Ивановскій. Собраніе сочиненій т I-й. стр. 61.

„Одни изъ депутатовъ, говорится въ журналъ Епарх. Съѣзда № 31, указывали на то, что обучившійся въ такой школѣ не будетъ служить на должности псаломщика, или даже діакона, а будетъ стремиться получить священство, и, такимъ образомъ, цѣль школы приготовлять именно псаломщиковъ и діаконѡвъ не будетъ достигнута“. Что псаломщики и діаконѡны будутъ стремиться получить священство, это неоспоримо. Но сдѣланное на этомъ основаніи заключеніе, что „цѣль школы приготовлять именно псаломщиковъ и діаконѡвъ не будетъ достигнута“, едвали правильно. Въ самомъ дѣлѣ, если лицъ, окончившихъ курсъ дух. семинаріи, ежегодно будетъ достаточно для замѣщенія всѣхъ свободныхъ священническихъ мѣстъ въ епархіи, то, за рѣдкимъ исключеніемъ, (предполагаемъ, — Епарх. Начальство будетъ всегда отдавать предпочтеніе окончившимъ курсъ дух. семинаріи предъ окончившими проектируемую школу) псаломщики и діаконѡны, окончившіе школу, не смотря на ихъ усердіе въ стремленіи получить священство, такъ и останутся діаконѡнами и псаломщиками; если-же лицъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ будетъ недостаточно, то, дѣйствительно, возможно, что этотъ недостатокъ, за неимѣніемъ лучшихъ кандидатѡвъ, будетъ пополняться діаконѡнами изъ окончившихъ курсъ школы. Но и въ этомъ случаѣ „цѣль школы приготовлять именно псаломщиковъ и діаконѡвъ—должно считать достигнутой, такъ какъ до полученія священства каждый окончившій школу долженъ будетъ прослужить болѣе или менѣе продолжительное время сначала псаломщикомъ, а затѣмъ діаконѡномъ, и такъ какъ на освободившіяся псаломщическія и діаконскія мѣста будутъ назначаться воспитанники той-же школы. Правда, въ данномъ случаѣ нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ школы избѣгутъ участи на всю жизнь остаться псаломщикомъ, въ лучшемъ же случаѣ діаконѡномъ, но и въ этомъ мы ничего ненормальнаго и предосудительнаго не видимъ. „Вѣрно слово, говоритъ ап. Павелъ, если кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ—(1 Тим. 3 гл. 1 ст.).

Не большей убѣдительностью обладаетъ и второе, высказанное на Създѣ. возраженіе, «что обучившіеся въ такой школѣ и особенно тѣ, которые прослушаютъ курсъ исторіи и обличенія раскола и мѣстныхъ сектъ, будутъ ставить себя выше священника и тѣмъ не только не будутъ помогать священству въ устройствѣ приходской жизни, а, напротивъ, будутъ мѣшать въ этомъ свящекству». Слабость „ставить себя выше священника“ въ достаточной степени присуща и современнымъ псаломщикамъ и діаконамъ, какъ образованнымъ, такъ и не получившимъ никакого образованія, и послѣднимъ, по нашимъ наблюденіямъ, даже въ большей степени, чѣмъ первымъ. По сему означенное возраженіе только въ томъ случаѣ имѣло-бы нѣкоторое значеніе, если возможно было-бы доказать, что питомцы проектируемой школы будутъ обладать означеннымъ недостаткомъ въ значительно большей степени, чѣмъ псаломщики и діаконъ, получившіе образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и не получившіе образованія. Но ни въ какомъ случаѣ только изъ за этого недостатка нельзя отказываться отъ невозможности имѣть образованныхъ діаконъ и псаломщиковъ. Если допустить; что слабость ставить себя выше своего ближайшаго начальства вообще является слѣдствіемъ образованія и столь пагубна, что лучше отказаться отъ образованія, то становится непонятнымъ, — для чего-же духовенство и особенно священники, изъ всѣхъ силъ стараются дать своимъ дѣтямъ возможно большее образованіе. Или можетъ-быть этимъ недостаткомъ будетъ награждать своихъ питомцевъ только проектируемая школа? Или-же этотъ недостатокъ не терпимъ только въ псаломщикахъ и діаконѣхъ?

Итакъ высказанныя на Епарх. Създѣ возраженія должно признать недостаточными для того, что-бы основываясь только на нихъ можно было считать открытіе школы нежелательнымъ.

Въ виду тенденціозности высказанныхъ на Създѣ по интересующему насъ вопросу сужденій, является необходи-

мымъ привести нѣкоторыя соображенія въ доказательство желательности открытія школы для подготовки образованныхъ діаконовъ и псаломщиковъ.

Въ настоящее время, когда сектантство и особенно невѣріе сильно распространяются въ простомъ народѣ, когда масса православнаго населенія поражаетъ своимъ религіозно-нравственнымъ невѣжествомъ, первой заботой каждаго приходскаго священника является поднятіе религіозно-нравственнаго развитія своей паствы и огражденіе ея отъ сектантства и невѣрія. Излишне доказывать, что въ этомъ трудномъ дѣлѣ необходимы недлежаще подготовленные помощники и что такими помощниками должны быть прежде всего діаконы и псаломщики. Посмотримъ, насколько для означенной цѣли пригодны лица, коимъ за послѣднее время предоставляются свободныя псаломщическія мѣста въ епархіи. Ограничимся одними псаломщиками, такъ какъ діаконы обычно выходятъ изъ среды тѣхъ же псаломщиковъ, а посему сказанное о псаломщикахъ въ значительной степени приложимо и къ діаконамъ.

Судя по даннымъ, заключающимся въ Сам. Епарх. Вѣдомостяхъ, съ 15 ноября 1911 года по 1 ноября 1912 года было замѣщено около 80 свободныхъ псаломщическихъ мѣстъ въ епархіи. Лица, коимъ предоставлены означенныя мѣста, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Окончившихъ курсъ духовной семинаріи и академіи 17.

2) Назначенныхъ на псаломщ. должность священниковъ и діаконовъ, а такъ-же заштатныхъ священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ—20.

3) Не окончившихъ курсъ дух. семинаріи, окончившихъ курсъ церковно-учительской школы—8.

4) Учителей церковно-приходскихъ школъ, окончившихъ курсъ второклассной школы и городск. училищъ—11.

5) Лицъ безъ образованія—24.

Сдѣлаемъ краткую оцѣнку каждой группы съ точки зрѣнія пригодности къ сотрудничеству приходскому священнику въ его религіозно-просвѣтительной дѣятельности.

Окончившіе курсъ дух. семинаріи обычно поступаютъ на псаломщическія мѣста временно и не надолго. Вслѣдствіе этого значительное большинство въ приходской дѣятельности священника принимаютъ весьма малое участіе.

Назначенные на псаломщическую должность за разные проступки священники и діаконъ, а также и значительная часть псаломщиковъ изъ лицъ неокончившихъ курса дух. семинаріи, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ ту или иную порочную склонность, чаще всего, къ неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ. Вслѣдствіе этого означенная группа въ главной своей массѣ составляетъ наихудшій элементъ среди псаломщиковъ. Лучшими изъ нихъ должно признать тѣхъ, кои сравнительно аккуратно являются къ богослуженію и требамъ и ведутъ приличный образъ жизни. Большаго отъ нихъ, обычно, и не требуется. Псаломщики, окончившіе курсъ второклассныхъ школъ, городскихъ училищъ и псаломщики изъ учителей церковно-приходскихъ школъ нерѣдко обладаютъ значительнымъ рвеніемъ къ участію въ религіозно—просвѣтительной дѣятельности приходскаго священника. Не обладая, однако, необходимыми богословскими познаніями и имѣя слабость до всего доходить „своимъ умомъ“, такіе псаломщики вносятъ не малое смущеніе въ умы простого народа и приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Объ участіи въ религіозно-просвѣтительной дѣятельности приходскаго священника псаломщиковъ, неполучившихъ образованія, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, не можетъ быть даже и рѣчи. Правда, среди нихъ есть лица, получившія псаломщическія мѣста за миссіонерскую дѣятельность. Но если о степени ихъ миссіонерскихъ способностей и познаній судить по тѣмъ псаломщикамъ и сотрудникамъ миссіонеровъ, кои были на миссіонерскихъ курсахъ въ г. г. Бузулукъ и Самаръ, то участіе такихъ псаломщиковъ въ при-

ходской дѣятельности священника, вслѣдствіе неподготовленности и особенно непоумѣрнаго самомнѣнія, должно признать мало-полезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ всѣхъ псаломщиковъ и сотрудниковъ миссіонера, участвовавшихъ на курсахъ, мы затрудняемся назвать больше 3—5 человекъ дѣйствительно обладающихъ миссіонерскими познаніями. А вѣдь на курсы вызываются лучшія силы епархіальной миссіи.

Итакъ лица, коимъ, судя по даннымъ за 1912 г., въ послѣднее время предоставляются свободныя псаломщическія мѣста въ епархіи, за незначительнымъ исключеніемъ непригодны для участія въ религіозно-просвѣтительной дѣятельности приходскаго священника. Съ этимъ недостаткомъ можно было-бы еще примириться, если-бы псаломщики во 1) были достаточно религіозны и 2) могли поддерживать на должной высотѣ церковное пѣніе въ приходѣ. Но, къ сожалѣнію, этими качествами обладаетъ далеко не большинство современныхъ псаломщиковъ. Недостатокъ религіозности, выражающійся въ неблагоговѣйномъ отношеніи къ святынямъ, неблагоповеденіи во время богослуженія, въ небрежномъ пѣніи и чтеніи за богослуженіемъ и пр., является отличительной чертой большинства современныхъ псаломщиковъ. Болѣе того, среди молодыхъ псаломщиковъ нерѣдко встрѣтить не только сомнѣвающихся въ тѣхъ или иныхъ пунктахъ православнаго вѣроученія, но даже и такихъ, кои производятъ впечатлѣніе совершенно невѣрующихъ. Не лучше обстоятъ дѣло и съ церковнымъ пѣніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что 90% современнаго состава (въ Самар. епархіи) псаломщиковъ совершенно неспособны поддерживать на должной высотѣ въ приходѣ церковное пѣніе. Весьма многіе не умѣютъ пѣть или же читаютъ самымъ невозможнымъ образомъ.

Если къ сказанному прибавить, что за послѣдніе годы, за отсутствіемъ болѣе достойныхъ кандидатовъ, во священники все чаще и чаще поставляются діакона, неполучившіе достаточнаго богословскаго образованія, то желательность и

даже необходимость закрытія школы для подготовки образованныхъ діаконовъ и псаломщиковъ можно считать доказанными. При этомъ считаемъ необходимымъ сговориться, что мы высказываемся за открытіе школы только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если школа по своей программѣ и организаціи въ состояніи будетъ дать належащее образованіе и воспитаніе будущимъ кандидатамъ на псаломщическія и діаконскія мѣста.

Не смотря однако на всю желательность и даже необходимость такой школы, открытіе ея на средства вообще епархіальныя въ настоящее время мы считаемъ неосуществимымъ. Въ виду того, что соображенія финансоваго характера окажутъ рѣшающее вліяніе на постановленія большинства благочинническихъ округовъ, мы остановимся возможно подробнѣе на финансовой сторонѣ обсуждаемаго вопроса. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности ознакомиться съ докладомъ училищнаго совѣта, въ коемъ, вѣроятно, имѣется значительный матеріалъ по настоящему вопросу. Вслѣдствіе сего значительную часть дальнѣйшихъ сужденій придется основывать на тѣхъ скудныхъ данныхъ, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи и даже на предположеніяхъ, что, естественно, можетъ послужить причиной ошибочности нѣкоторыхъ выводовъ. Переходимъ къ приблизительному опредѣленію расходовъ по содержанію прсектируемой школы.

Расходъ по содержанію школы прежде всего будетъ зависеть отъ количества учащихся, а послѣднее отъ того, сколько человѣкъ ежегодно въ среднемъ должна будетъ составлять школа для замѣщенія свободныхъ псаломщическихъ мѣстъ въ епархіи и сколь великъ будетъ годичный курсъ школы.

Для приблизительнаго опредѣленія, сколько псаломщическихъ мѣстъ ежегодно будетъ предоставляться окончившимъ школу, воспользуемся помѣщенными выше данными о замѣщеніи псаломщическихъ мѣстъ въ епархіи за время съ 15 ноября 1911 года по 1 ноября 1912 года. Изъ 80-ти свободныхъ

псаломщ. мѣсть означеннаго періода мѣста, предоставленныя окончившимъ курсъ дух. семинаріи и академіи, назначеннымъ на псаломщ. мѣста священникамъ и діаконамъ, заштатнымъ священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ и нѣкоторымъ изъ неокончившихъ курса дух. семинаріи, всего въ количествѣ 40—45 м., вѣроятно, были-бы предоставлены тѣмъ же лицамъ и въ томъ случаѣ, если проектируемая школа уже дѣлала ежегодные выпуски; остальные-же 35—40 мѣсть, представленные въ настоящее время лицамъ безъ образованія или-же съ незначительнымъ образованіемъ, были-бы замѣщены окончившими курсъ псаломщической школы. Если допустить, что и въ будущемъ ежегодная недостача надлежаще подготовленныхъ для занятія псаломщическихъ мѣсть лицъ будетъ приблизительно такой-же, что и въ разсмотрѣнный періодъ, то въ выпускномъ классѣ школы ежегодно должно обучаться не менѣе 40—45 человекъ. Переходимъ къ опредѣленію числа классовъ школы.

Число классовъ будетъ зависѣть отъ программы школы и степени подготовки лицъ, въ нее поступающихъ. Въ виду довольно скромныхъ правъ, кои будутъ имѣть окончившіе курсъ школы, въ нее пойдутъ только лица, не имѣющія возможности поступить въ среднія учебныя заведенія. Изъ дѣтей, родители коихъ принадлежатъ къ состоятельнымъ классамъ, поступятъ развѣ только забракованныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такіе кандидаты и для проектируемой школы едва — ли особенно желательны. Наиболее вѣроятными кандидатами въ школу должно считать дѣтей крестьянъ, окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ. Для того, чтобы изъ окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ получились псаломщики и діаконы, коихъ можно было бы именовать образованными безъ ироніи, въ школѣ для подготовки образованныхъ діаконовъ и псаломщиковъ должна съ нѣкоторыми сокращеніями проходить вся программа дух. семинарій, кромѣ языковъ. Нѣкоторые—же предметы, какъ напр., исторія и обличеніе сектанства и

раскопа, должны проходиться въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ духовн. семинаріяхъ.

Кромѣ того придется основательно изучать церковный уставъ и особенно пѣніе. Не вдаваясь въ болѣе подробное обсужденіе возможной и желательной программы для псаломщической школы, такъ какъ означенное обсужденіе отняло бы слишкомъ много времени, мы ограничимся заявленіемъ, что наиболѣе вѣроятнымъ считаемъ 3—4 годичный курсъ. Что-бы школа при 3-4 годичномъ курсѣ могла ежегодно дѣлать выпускъ въ 40-45 человѣкъ, во всѣхъ ея классахъ, судя по нашимъ духовнымъ училищамъ, должно быть отъ 150 до 200 воспитанниковъ. Содержаніе Николаевского Епархіальнаго женскаго училища за 1910—1911 учебный годъ, при 117 воспитанницахъ обошлось въ 29391 р. 10 к., въ томъ числѣ расхода по зданіямъ 7863 р. 24 к. (Сам. Епарх. Вѣд. за 1912 г., № 6 стр. 98) Отсюда съ увѣренностью можно сказать, что ежегодный расходъ на 150—200 воспитанниковъ проектируемой школы, кромѣ расхода по зданіемъ, опредѣляется не меньше, какъ тысячъ въ 20—25. Кромѣ того придется отыскать средства на постройку зданій для школы и общежитія при немъ. Крестьяне, дѣти коихъ, какъ мы выше сказали, являются почти исключительными кандидатами въ школу, не въ состояніи дѣлать сколько-нибудь значительные взносы за содержаніе и обученіе своихъ дѣтей, а посему на покрытіе расходовъ по содержанію проектируемой школы долженъ быть изысканъ опредѣленный и постоянный источникъ. Какъ мы уже сказали выше, духовенство епархіи въ настоящее время совершенно не въ состояніи принять расходъ по содержанію школы на обще епархіальныя средства. Что-бы въ этомъ убѣдиться, достаточно просмотрѣть постановленія Епарх. Съѣздовъ за послѣднее пятилѣтіе.

Возрастаніе расходовъ на обще-епархіальныя нужды, неизбежно вызываетъ повышеніе платы за содержаніе воспитанницъ епарх. училища и воспитанниковъ семинаріи, проживающихъ въ такъ называемой колоніи. Волѣдствіе этого пла-

та съ воспитанницъ епарх. училища за послѣдніе пять лѣтъ увеличилась въ $1\frac{1}{2}$ раза. А это свидѣтельствуеъ о томъ, что въ распоряженіи духовенства, кромѣ собственнаго кармана, нѣтъ источниковъ для покрытія новыхъ расходовъ на обще-епархіальныя нужды. Отсутствіемъ необходимыхъ средствъ объясняется и тотъ грустный фактъ, что вопросъ о постройкѣ епархіальнаго училища, имѣя двадцатилѣтнюю давность, до сего времени удовлетворительно не разрѣшенъ. Откладывая постройку епархіал. училища, духовенство заставляеъ своихъ дѣтей учиться въ зданіи, по свидѣтельству врачей, давно уже не отвѣчающемъ своему назначенію. Не изъ за прихоти-же духовенство откладывало цѣлыхъ двадцать лѣтъ выполнение столь важнаго дѣла, какъ сооруженіе соответствующаго зданія для епарх. училища. Вѣдь за это приходится расплѣчиваться здоровіемъ своихъ дѣтей

Кромѣ расхода по сооруженію новаго зданія для епарх. училища, должно считаться съ возможностью значительныхъ затратъ изъ обще-епархіальныхъ средствъ на окончательную ликвидацію принятыхъ Эмеритальной кассой обязательствъ по старому уставу. При такихъ обстоятельствахъ 20-25 тысячъ лишняго расхода въ годъ для обще-епархіальнаго бюджета должно признать непосильнымъ бременемъ.

Духовенству епархіи придется или отложить открытіе школы для подготовки образованныхъ діаконовъ и псаломщиковъ до болѣе благопріятнаго состоянія своихъ финансовъ или-же постараться изыскать иной источникъ ея содержанія. Надѣяться на улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ состоянія обще-епарх. средствъ нѣтъ никакихъ основаній, посему правильнѣе заняться изысканіемъ новыхъ источниковъ содержанія школы. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ предложить кое-что вниманію духовенства епархіи.

Какъ-то на досугъ нами слѣланъ на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ приложеніи къ сборнику Соловьева, подсчетъ количества принадлежащей всѣмъ монастырямъ епархіи земли. Оказывается, таковой имѣется болѣе 27 тысячъ

казенныхъ десятинь, въ томъ числѣ не менѣе 2 тысячь десятинь подъ лѣсомъ.

Годовая арендная цѣна въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Самарской губерніи колеблется отъ 3 до 25 рублей за одну казенную десятину. Принимаемъ среднюю арендную плату для всей монастырской земли равной 14 рублямъ за десятину. Ежегодный арендный доходъ отъ всей земли при трехпольной системѣ опредѣлится приблизительно въ 250 тысячь рублей; даже при минимальной цѣнѣ на землю въ 3 рубля получается 54 тысячи рублей чистаго дохода. Но и 250 тысячь рублей мы не считаемъ максимальной цифрой чистаго дохода отъ монастырской земли, такъ какъ значительная часть ея обрабатывается монастырями, а посему и доходу даетъ значительно больше, чѣмъ при сдачѣ въ аренду. Попробуемъ теперь опредѣлить расходъ по содержанию братіи и сестеръ монастырей. Учащіе школь грамоты получаютъ на свое содержаніе 120 рублей въ годъ. Годовое содержаніе одного ученика второклассной школы обходится около 50 рублей въ годъ. Отсюда можно заключить, что содержаніе одного брата или одной сестры обходится монастырямъ не болѣе 50—70 рублей въ годъ.

Въ настоящее время годовая плата на работника въ селѣ стоитъ отъ 100 до 150 рублей при готовомъ столѣ; на женскую прислугу отъ 50 до 90 рублей въ годъ, такъ же при готовомъ столѣ. Трудъ рабочихъ въ дѣйствительности приноситъ хозяину значительно больше дохода, чѣмъ стоитъ содержаніе и наемъ ихъ. Отсюда выводъ. Каждый способный къ труду инокъ, работая на монастырь, окупаетъ расходы по своему содержанію и даетъ средства на содержаніе по крайней мѣрѣ одного неработоспособнаго инока. Такимъ образомъ мужскіе монастыри не израсходуютъ ни копейки изъ доходовъ отъ земли на содержаніе братіи монастыря, если половина этой братіи будетъ работоспособна. Для женскихъ монастырей для той-же цѣли достаточно имѣть работоспособными $\frac{3}{5}$ всей братіи. Итакъ, кромѣ про-

чихъ доходовъ, монастыри епархіи имѣютъ не меньше 250 тысячъ чистаго годового дохода отъ одной только земли. Мы совершенно не располагаемъ свѣдѣніями о томъ, какіе расходы и въ какомъ размѣрѣ несутъ монастыри, кромѣ расходовъ по содержанію братіи и сестеръ. Однако имѣются основанія предполагать, что за покрытіемъ всѣхъ обычныхъ расходовъ въ распоряженіи монастырей остаются весьма значительныя суммы. Въ томъ-же приложеніи къ сборнику Соловьева сказано, что Свято-Троицкимъ Раковскимъ монастыремъ „пріобрѣтено земли 1) покупкою въ 1882 г. 151 дес. земли, 2) въ 1887 г. куплено у дворянина Скрябина на средства монастыря близъ ограды обители 3 дес., 3) въ 1887 г. куплено въ Удѣльномъ Вѣдомствѣ 263 дес. 1800 саж. на средства монастыря. Самарскимъ Иверкимъ женскимъ монастыремъ въ 1896 г. куплено у Самарскаго Николаевскаго мужскаго монастыря 250 десятинь за 10000 рублей. Излишне доказывать, что такія покупки возможны лишь при наличности значительныхъ денежныхъ суммъ у монастырей. На основаніи сказаннаго о доходности монастырей, можно думать, что для ихъ бюджетовъ 20—25 тыс. лишняго расхода въ годъ не будутъ особенно обременительны. А посему, не окажется ли возможнымъ возбудить ходатайство объ открытіи школы для подготовки образованныхъ діаконовъ и псаломщиковъ при одномъ изъ мужскихъ монастырей епархіи, съ отнесеніемъ расходовъ по ея содержанію на средства всѣхъ монастырей епархіи?

Священникъ *Петръ Смирновъ*.

Путевыя воспоминанія¹⁾

II.

1912 годъ. Прошелъ годъ, а впечатлѣнія пережитаго все еще свѣжи и ясны. За зиму къ веснѣ здоровье мое пошатнулось (сахарная болѣзнь и болѣзнь сердца). Врачи рекомендуютъ взять отпускъ и ѣхать на Кавказъ или въ Крымъ,

¹⁾ См. № 2 Сам. Епарх. Вѣд. за т. г.

вообще, на берегъ моря и основательно отдохнуть. Что—бы провѣрить это, въ маѣ ѣду въ Самару, испрашиваю отпускъ и отправляюсь въ Москву, гдѣ пользуюсь совѣтами профессора П. и доктора Щ. Оба настойчиво рекомендуютъ прогулку и отдыхъ. Грустно, конечно, сознавать себя нездоровымъ, но мнѣ обѣщаютъ, что здоровье возстановится, а потому рекомендованная прогулка, обѣщая дать пріятное съ полезнымъ,—и новыя впечатлѣнія, и здоровье,—вдвойнѣ радуетъ меня. Вопросъ, куда ѣхать, гдѣ съ большей пользой и меньшими затратами можно провести время отдыха, разрѣшился, при совѣтѣ опытныхъ людей, скоро. Раскладываемъ карту Россіи и намѣчаемъ себѣ примѣрный маршрутъ: до Царицына Волгой, по ж. дор. до Новороссійска, моремъ до Сухумъ Кале, гдѣ и предполагаемъ пожить. Оттуда моремъ въ Севастополь, и ж. дор. чрезъ Кіевъ домой. Маршрутъ принимается безъ измѣненій, составляется примѣрная смета и чрезъ нѣсколько дней спѣшныхъ сборовъ, напутствуемые добрыми пожеланіями друзей, трогаемся въ путь: я, жена и супруги М. К. и А. А. К-ны, пожелавшіе ѣхать вмѣстѣ съ нами

4-ое іюня. Саратовъ. По 5 руб. 95 коп. беремъ билеты II кл. до Царицына и помещаемся въ каютахъ новаго, громаднаго, изящно и богато отдѣланнаго теплохода „Бородино“. Демь быстро „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Тишина на Волгѣ невозмутимая: вода какъ зеркало, солнце ярко блеститъ, но очень жарко и знойно. „Глушимъ“ въ неимоверномъ количествѣ чай и воды. Постепенно скрывается въ далекой дымкѣ Саратовъ и кажется, что берега Волги сходятся. Пассажиры прячутся въ тѣнь. Вотъ набѣжалъ легкій, легкій вѣтерокъ, ухъ, какъ славно... Къ вечеру становится свѣжѣй и палуба наполняется пассажирами. Стало оживленнѣе. Въ Камышинѣ смотримъ „представленіе“: какой-то „господинъ“ въ цилиндрѣ и грязныхъ манжетахъ, изъ подъ которыхъ выглядываетъ грязная синяя рубаха, развязно распаниваясь публикѣ показываетъ „фокусы“ съ ведромъ и

цѣпочкой. А на другомъ концѣ пристани дѣвочка подъ гитару, фальшивымъ дѣтскимъ голоскомъ, сильно выкрикивая, напѣваетъ „Отворите окно, отворите, мнѣ недолго осталось жить“... Бѣдно одѣтая, но съ претензіей на шегольство, а на испуганныхъ глазенкахъ—слезы. Бѣдное дитя улицы, что-то изъ тебя выйдетъ въ жизни! И фокуснику и пѣвицѣ бросаютъ съ парохода деньги. На набережной масса гуляющей публики. Слышна музыка.

5 іюня. Въ 10 утра подъѣхали къ Царицыну и съ пристани отправились на вокзалъ Владикавказской жел. дор. До поѣзда въ нашемъ распоряженіи имѣется времени болѣе трехъ часовъ и, пользуясь этимъ, мы съ М. К. осматриваемъ городъ, но особеннаго ничего не находимъ. Городъ большой, торговый, но въ немъ какъ-то все безпорядочно, базарно и грязновато. На вокзалѣ прямо таки давка. Въ билетахъ II класса отказываютъ, такъ какъ билеты еще раньше насъ, по записи, разобраны, но съ помощью носильщиковъ всетаки добываемъ хотя и III-го кл. билеты до Новоросійска по 7 р. 40 коп. Въ вагонѣ дышать нечѣмъ. Пассажировъ такъ много, что и проходы всѣ заняты. Небо безоблачно, солнце палитъ немилосердно, въ вагонѣ какъ въ банѣ и каждый глотокъ свѣжаго воздуха въ окно вдыхается съ жадностью. Пассажиры ссорятся, тѣсняются, то и дѣло слышно, „кондукторъ, кондукторъ“. Кто-то замѣчаетъ: „ничего, вотъ утрясемся, посвободнѣй будетъ“, и дѣйствительно, утряслись понемногу. Приглядываемся къ пассажирамъ, большинство сѣрая публика, которой нѣтъ дѣла до жары и тѣсноты. На сосѣдней лавочкѣ, противъ какого-то чиновника съ кокардой, сидитъ въ засаленномъ пиджакѣ, очевидно, рабочій, съ дѣвочкой лѣтъ тринадцати въ гимназическомъ платьѣ и что-то съ увлеченіемъ рассказываетъ своему визави. Мы невольно прислушиваемся и заинтересовываемся рассказчикомъ, который, какъ оказалось, везетъ дочь изъ гимназіи на вакать. Рассказъ его такъ смѣшилъ всѣхъ, что я передамъ, по возможности, все полнѣе, какъ у меня

записано въ книжкѣ: „я человекъ неученый, но съ понятіемъ, — псбѣдоносно оглядывая публику, ораторствуетъ пиджакъ. — Я понимаю, почему это люди смотрять, ходять, думаютъ. Я много читаль и думаль и вотъ „возгордился“. Возгордился такъ, что и съ собой ничего не могу сдѣлать. И порѣшилъ это, штобъ и дѣти мои въ ученые люди вышли, штобъ въ отца, съ понятіемъ, были и вотъ дочку-то въ гимназію опредѣлилъ, штобъ наукамъ училась... „Ну, говорю, дочка, возгордился я здорово, учись хорошенько, а съ хорошими люльми не знайся, хорошимъ людянь наука-то не нужна, они и безъ науки проживуть... И все-то я понимать могу, только вотъ геграфю въ толкъ не возьму и дочкѣ не втолкую, ну ей двойку и постановили. Я, значить къ начальницѣ, потому отъ нея бумагу получилъ, такъ и такъ, говорю, все понимаю, окромѣ геграфей, што дѣлать, человекъ то я гордый. А она говоритъ: „надо подтянуться вашей дочкѣ“. А я ей и говорю: „вотъ што, госпожа начальница, я вѣдь знаю и папашу вашего и мамашу, знаю, что и сынокъ-то вашъ въ науку не вышель, я все знаю. знаю за што дочкѣ моей двойку постановили, вотъ ужъ примите пятерочку да ужъ и ослобоните ее. Даль-бы больше, да не могу, не взыщите... Возгордился я очень, хочу штобъ и моя дочка когда нибудь начальницей была. Ну она на меня разсердилась, разшумѣлась, а за что? что я бѣдный—только за это? Конечно, если спонадобится могимъ и красненькую дать да вѣдь не въ силахъ“... Не мало мы смѣялись надъ этимъ субъектомъ „съ понятіемъ“, и потомъ долго въ нашихъ разговорахъ выплывало слово „возгордился“. На одной станціи бѣгу за кипяткомъ и, только что подбѣгаю къ вокзалу, какъ бьетъ второй, а за нимъ и третій звонки. На другой станціи повторяется тоже. „Что не везетъ“! — спрашиваютъ пассажиры, съ которыми успѣли уже познакомиться. „Возгордился“—отвѣчаю, и долго долго смѣюсь. Но что вышло еще курьезнѣе, такъ это то, что сей „возгордившійся“ человекъ оказался безбилетный и подлежалъ остракизму...

Дорога скучная... Голая безжизненная степь, кое гдѣ покрытая песчаными курганами. Глазу не на чѣмъ остановиться. Къ вечеру прошелъ хорошій дождь, всѣхъ оживившій. Дальше и дальше углубляемся въ степи, скоро должна начаться и Кубанская область.

6 іюня. Прекрасное свѣжее утро. Картина вчерашняго пути совершенно измѣнилась. Кругомъ, на необозримомъ пространствѣ, степь, но не пустынная степь, а покрытая роскошнымъ зеленымъ ковромъ. Трава почти по поясъ, множество цвѣтовъ... Вдоль полотна ж. дороги, по обѣ стороны правильными линіями насажены деревья. А вдали, какъ оазисы въ пустыни, тонуть въ зелени казацкія станицы. Съ нами въ вагонѣ сидитъ казакъ-кубанецъ и охотно знакомитъ насъ съ жизнью края. Земля въ Кубанской области представляетъ изъ себя чистый черноземъ, что, при достаточной влагѣ, даетъ обильный урожай травъ и хлѣбовъ. Населеніе очень зажиточное, живетъ преимущественно хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Казаки народъ очень религіозный и богомольный и рассказчикъ очень сожалеетъ, что за послѣднее время въ краѣ усилилась пропаганда сектантства и, главнымъ образомъ, баптизма. Минусомъ въ жизни края, по его-же словамъ, является недостатокъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній. Намъ по пути приходилось проѣзжать много такихъ станицъ, гдѣ виднѣлись не одна и не двѣ церкви, а болѣе. Всѣ станицы тонуть въ садахъ, очень благоустроены и населены. Въ одной станицѣ (не упомяну названія) даже предполагается провести трамвай. На станціяхъ ж. дор. и публика стала встрѣчаться уже не та, не наша. И военные, и учащіеся, и казаки народъ крупный, положительный въ рѣчахъ и поступкахъ, съ умнымъ лицомъ и твердой поступью. въ своеобразной казацкой формѣ. Встрѣчаемъ на станціяхъ и веселаго турка въ красной фескѣ и угркмаго грека, съ черной повязкой на головѣ. Всматриваемся въ нихъ, - вѣдь никогда не видали иностранцевъ, - прислушиваясь къ языку ихъ. Въ рѣчахъ гре-

ковъ улавливаю много знакомыхъ словъ и даже успѣваю замѣтить, что греки. вмѣсто „ѳ“ произносятъ „т“ (наприм. антропосъ, Теосъ).

Въ 11 час. утра подъѣзжаемъ къ Екатеринодару, главному городу Кубанской области. Города не видать, онъ буквально весь тонетъ въ садахъ... Поѣздъ стоитъ только 20 минутъ, но мы всетаки стараемся использовать и это время: обѣгаемъ вокзалъ, смотримъ на публику... Къ вокзалу, шипя, подходитъ трамвай, изъ вагона бѣгутъ турки, греки, горцы и степенно шагаютъ кубанцы. Предъ поѣздомъ образовалась фруктовая торговля. „Черешни не желаете-ли“, раздается со всѣхъ сторонъ. Черешня крупная, по цвѣту и виду похожая на вишню, мясистая ягода, но значительно больше по объему, а на вкусъ слаще и прѣснѣе вишни; взвѣшивать некогда, покупаемъ по 8 коп. развѣшенные уже пакетики черешни. Три звонка и поѣздъ тронулся. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ фальши. Два-три ряда хорошей черешни скрываютъ подъ собой просто недозрѣлый отбросъ, который и летитъ за окно вагона. Но черешня очень вкусная и мы уполномочиваемъ одного изъ насъ купить на слѣдующей станціи фунта два черешни. Пересѣкаемъ рѣку-Кубань, не широкую, мутную и бурливую. Но какая роскошная степь кругомъ! Не даромъ и Гоголь воспѣвалъ „черть васъ возьми, степи, какъ вы хороши“!... Зелень яркая, цвѣтушая, а по ней, какъ громадная ромашка, разбросаны бѣленькіе хуторки. Вдали, на горизонтѣ вырисовываются тучи, но нѣтъ, то не тучи, а Кавказскій хребетъ горъ. Ближе и ближе подвигаемся къ нему. Сначала маленькіе бугорки, холмы, пригорки и, наконецъ, поѣздъ взбирается на горы. Картина перемѣнилась. Отъ окна вагона теперь уже не оторваться. Горы громоздятся одна надъ другой, поѣздъ поднимается выше, мчитъ по горамъ, а внизу, въ громадной пропасти среди лѣсовъ, какъ среди травы, бѣлѣютъ хуторки, издали кажушіеся маленькими коробочками... То тутъ, то тамъ извиваются

змѣйкой горныя рѣчки. А мы то царимъ надъ пропастью, то опускаемся внизъ и горы закрываютъ отъ насъ почти все небо. Горы все растутъ и растутъ. Несемся краемъ обрыва. Духъ захватываетъ, какъ глянешь внизъ. Вправо предъ нами выросла гора, вершина которой покрыта облаками. Мѣстами жутко становится: поѣздъ несетъ впередъ, прорѣзая обрывы, пропасти, ущелья, лѣсныя чащи, покачиваясь и извиваясь по закругленіямъ и каждое закругленіе даетъ новую картину. Начались скалистыя горы, съ громадными скалами, надъ которыми парятъ въ голубой выси орлы. „Станція Туннельная“—объявляетъ кондукторъ. „Сейчасъ будетъ туннель“—замѣчаетъ кто-то, бывалый, изъ пассажировъ. Въ вагонахъ зажигаютъ свѣчи и огоньки ихъ жалко и ненужно мигаютъ въ яркомъ свѣтѣ лѣтняго дня. Но огонь будетъ необходимъ. Въѣзжаемъ въ узкій, скалистый корридоръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше вырастаютъ стѣны корридора, такъ, что изъ окна не видать ихъ верхушекъ. Высѣченныя громады нависли надъ вагонами, сѣрыя, полосатыя. Ясно видны каменные пласты, какъ будто искусственно положенные одинъ на другой. А вотъ и еще невиданное зрѣлище: изъ стѣны шумнымъ водопадомъ струится среди камней чистый ручей, а впереди еще и еще. Всѣ оживленно обмѣниваются впечатлѣніями, восторгаются рѣдкостными картинами. Чѣмъ дальше, тѣмъ корридоръ становится уже и выше, и стѣны его готовы уже будто придавить дерзкій поѣздъ, нарушающій безмолвіе каменныхъ громадъ. Всѣ сосредоточенно всматриваются впередъ, чего-то ждутъ и, замѣтно, волнуются. Ту-у-у, отрывисто, безъ эхо, бросилъ глухо свистокъ паровозъ и нырнулъ въ темное, низкое жерло туннельнаго свода. Всѣ перекрестились. Въ вагонѣ сразу наступили сумерки, темнѣй и темнѣй и чрезъ нѣсколько моментовъ наступила полнѣйшая темнота. Свѣтъ свѣчей былъ слишкомъ жалокъ, что-бы бороться съ подземной темнотой. Поѣздъ идетъ быстро, но стукъ и лязгъ колесъ, пыхтѣніе паровоза стали какъ-то особенно рѣзать ухо своей ясностью, не расплываясь въ

этой злобѣщей темнотѣ. Вспыхиваніе паровозной топки на моментъ освѣщаетъ мокрую стѣну туннеля. Вагоны наполнились ѣдкимъ машиннымъ дымомъ, — дышать трудно. Сырость и сквозной вѣтеръ пронизываютъ непріятно. Чиркаемъ спички, зажигаемъ бумагу, но какъ только выставимъ изъ окна, что-бы освѣтить стѣны, — огонь тутъ-же тухнетъ. Но все-таки успѣваемъ рассмотреть, что стѣны очень близко, можно рукой достать, что по нимъ сверху журчатъ ручьи воды. Слышно, какъ и колеса вагоновъ хлюпаютъ по водѣ и какъ вода со свода туннеля крупно и тяжело падаетъ на крышу вагона. Жутко. Жутко отъ неизвѣстности, что-то ждетъ впереди, въ этой страшной подземной темнотѣ, куда несется поѣздъ, жутко и отъ сознанія, что надъ нашими головами висятъ миллиарды пудовъ груза, цѣлыя горы, которыя могутъ въ моментъ превратить поѣздъ въ ничто. Трогаю нѣкоторыхъ за руки, руки холодныя и дрожатъ. Всѣ сосредоточенно молчатъ и крестятся. А. А. прижалась въ углу и громко шепчетъ: „Матерь Божія, сохрани! Господи, пронеси“!. И при каждомъ незначительномъ толчкѣ на скрѣпленіяхъ рельсъ, или подпрыгиваніи вагона, всѣ какъ-то вытягиваются. Видимо, всѣ переживаютъ минуты и неизвѣданнаго любопытства и томительнаго страха. Сердце бьется учащенно. „Господи, скоро что-ли конецъ-то“ — дрожащимъ голосомъ бросаетъ кто-то глухо изъ угла вагона и опять всѣ молчатъ. Я держу въ рукахъ часы и электрической фонарикъ и считаю минуты и секунды. Время тянется томительно долго. Вдали что-то засѣрѣло, ближе и ближе, стало свѣтатъ, поѣздъ вышелъ изъ туннеля и опять покатиля по узкому корридору. Зажмуриваемъ глаза отъ ослѣпительнаго свѣта послѣ темноты. Оглядываемся назадъ, а изъ туннеля, какъ изъ печи медленно плыветъ густой дымъ, что паровозъ оставилъ отъ себя, будто горитъ большой костеръ; съ вагоновъ ручьями течетъ вода, это подземныя воды пробиваютъ себѣ холь въ туннель чрезъ своды. Спрашиваютъ меня — „ну, сколько?“ Часы показываютъ, что мы были подъ землей 3 минуты

47 секундъ. Но эти минуты показались такими безконечными и нудными. Узнаемъ, что туннель имѣетъ въ длину одну версту 125 сажень. Сколько, думаемъ, было затрачено труда, средствъ и умѣнія пробить путь въ этихъ скалахъ. твердыхъ какъ желѣзо... Всѣ оживились, заговорили, засмѣялись, подтрунивали другъ на другомъ. „Ну, господа, я такъ возгордился“ - острить кто-то. Какъ, въ самомъ дѣлѣ человѣку цѣнна свобода отъ страха, послѣ только что перенесенной и прошедшей мимо опасности или тревоги за свое благополучіе. Но недолго продолжалось наше ликование. Минуть черезъ пять ѣзды корридоромъ поѣздъ опять нырнулъ во второй туннель. Опять наступило тягостное настроеніе. хотя оно уже не было такимъ острымъ. Тотъ-же шумъ, та-же тьма. Этотъ туннель въ 250 сажень мы проѣхали въ одну минуту 15 секундъ. Но за эти минуты напряженія, какъ мы были вознаграждены послѣдующимъ! Какъ только поѣздъ вышелъ изъ туннеля, предъ нами развернулась, какъ полотно художника, чарующая, незабываемая картина. Мы-на верху горъ, подъ нами пропасти и горы, а вдали, за подножіями горъ, разлилось море, нѣжно голубое, слившееся на горизонтѣ съ лазурью неба, а по берегу моря растянулся красной и бѣлой полосами Новороссійскъ. Зачарованные, впервые видимой нами картиной, всѣ приходятъ въ восторгъ. - „море синнее. море бурное“ - напѣваютъ нѣкоторые. Перебѣгаемъ съ одной стороны вагона къ другой, хочется запечатлѣть въ памяти картину. Но путь постоянно закругляется и картина то скрывается отъ насъ, то опять разворачивается съ новой красотой. Поѣздъ мчится со страшной быстротой внизъ, постоянно прибѣгая къ тормазу. Еще нѣсколько минутъ и мы въ три часа дня на Новороссійскомъ вокзалѣ, чистѣмъ, хорошемъ. Рѣшаемъ поселиться ближе къ морю и, напередъ уже освѣдомленные, останавливаемся въ номерахъ „Франція“, по два рубля въ сутки за номеръ, но безъ электричества, котораго, оказывается и нѣтъ въ гостинницѣ. Гостинница расположена на самомъ берегу моря, какъ разъ противъ пароводныхъ

пристаней. Пока наши дамы устраиваются съ багажемъ, я не отхожу отъ окна, любуясь моремъ. Это не то, что Волга, съ ея сѣро-мутной водой; морская вода зелено-голубого, или точнѣе бирюзоваго цвѣта, удивительно прозрачна и красива. На морѣ, выражаясь языкомъ моряковъ, „штиль“, т. е. полное затишье. Сначала насъ удивляетъ какой-то шумъ, періодически, минуты черезъ двѣ, доходящій до насъ, но потомъ узнаемъ, что это волна морская такъ шумитъ, ударяясь о берегъ. Море, и при полнѣйшемъ спокойствіи, какъ-бы дышетъ, посылая свою волну берегу. Волна эта, не замѣтная въ своемъ теченіи, только замѣчается уже тогда, когда плавно и тихо ударяетъ о берегъ, заливая его аршина ни 3—4 и оставляя послѣ себя удивительно бѣлую, молочную пѣну и множество красивыхъ ракушекъ.

Нѣтъ, въ номерѣ не сидится, и пока готовятъ чай, я бѣгу въ морскую купальню, расположенную въ какой нибудь сотнѣ сажень отъ гостиницы. Иду самымъ берегомъ моря, укрѣпленномъ каменной стѣной и съ интересомъ наблюдаю дыханіе моря, какъ иная волна, ударившись о каменный берегъ моря, высокимъ столбомъ броситъ вверхъ искристыя брызги. Смотрю на суда, стоящія у пристани и глазамъ не вѣрю. Неужели эти неуклюжія, черныя, какъ гробъ, баржи и 'есть морскіе пароходы? Оказывается, что такъ. Въ моемъ воображеніи выплываютъ наши волжскіе пароходы—красавцы, лебеди бѣлые, и сравненіе получается далеко не пользу морскихъ пароходовъ. На моментъ я остановился и въ это-то время на пристани часто, часто, какъ всполохъ, зазвонили въ небольшой колоколь, а вслѣдъ за этимъ пароходъ густой октавой, но какъ-то глухо,—протяжно заревѣлъ. Ну и голосъ! Наши волжскіе пароходы далеко не могутъ тягаться свои голосовыми силами съ этой октавой. Но о пароходахъ послѣ. Вхожу въ купальню, а юркій турокъ уже стаскиваетъ съ меня одежду. Купальня какъ и на Волгѣ, впрочемъ есть и ванны теплой воды. Съ удовольствіемъ погружаясь въ прохладную морскую воду,

послѣ вагонной копоты и грязи. Чуть-чуть пощипываетъ кожу. Попалось нѣсколько капель воды въ ротъ, фу, какая противная вода, соленая, съ горькимъ привкусомъ. Не зная свойствъ морской воды, усиленно намыливаю голову, но мыло превратилось въ творожную массу, голову какъ смолой склеило, никакъ смыть нельзя. Оказывается, морская вода не растворяетъ мыла. На грѣхъ и турокъ куда-то скрылся, приходится выходить съ намыленной головой. Но когда я уже одѣлся, ругая и себя и морскую воду, вошелъ хозяйинъ купальни, смѣясь надъ моей неопытностью: „такъ со всѣми бываетъ“—сказалъ онъ,—кто первый разъ купается въ морѣ“. Пришлось опять мыться, но теперь уже въ ваннѣ изъ прѣсной воды. Въ воду мнѣ положили какихъ-то камушковъ, „киль“, какъ они называются, и когда они растворились, вода стала удивительно мягкой. Этимъ килемъ мы пользовались при всѣхъ нашихъ послѣдующихъ купаньяхъ въ морской водѣ, отъ чего волосы и кожа становятся мягкими, шелковистыми.

Вечеръ наступаетъ очень быстро, какъ и вообще на югѣ. Сумерокъ нашихъ почти не бываетъ, а послѣ захода солнца темнота наступаетъ быстро и въ 8 часовъ становится уже совсѣмъ темно. Мимоходомъ узнаю, что на завтра нѣтъ рейса въ Сухумъ-Кале, почему и рѣшаемъ двѣ ночи провести въ Новороссійскѣ. Вечеромъ долго сидимъ на берегу моря, любуясь его приливами. На горизонтѣ показалась группа огней, а чрезъ полчаса подошелъ громадный пароходъ, ярко освѣщенный. Вдали краснѣетъ огонь морского маяка. По заливу мелькаютъ огни бѣгающихъ катеровъ и моторныхъ лодокъ. Въ номерѣ открываемъ окно и крѣпко засыпаемъ подъ рокоть морской волны.

7 іюня. Утро свѣжее, но вѣтренное. Идемъ знакомиться съ моремъ. У Новороссійска бухта представляетъ собой громаднѣйшій морской заливъ, окруженный высокими горами, покрытыми облаками, такъ что вершинъ горъ намъ не пришлось повидать. Тамъ, вдали, гдѣ заливъ переходитъ въ от-

крытое море, устроенъ моль. Моломъ называется каменная крѣпкая стѣна, отдѣляющая море отъ залива, заложенная со дна моря и возвышающаяся надъ водой сажени на двѣ или болѣе. Стѣна эта идетъ отъ одного берега залива до другого, какъ-бы въ родѣ плотины и имѣетъ въ себѣ широкій пролетъ, для прохода судовъ. Этотъ пролетъ и раздѣляетъ моль на двѣ половины. Моль устраивается для защиты бухты отъ волненія. Для публики моль служить прекраснымъ мѣстомъ прогулки, давая возможность видѣть съ одной стороны заливъ съ громадами горъ за нимъ, а съ другой-открытое море, которое вдаль кажется выпуклымъ. Нельзя опредѣлить предѣлъ горизонта, такъ какъ бирюза моря сливается съ лазурью неба. Въ бухтѣ имѣются пристани Русскаго и Россійскаго пароходныхъ обществъ. Пристани устроены такъ: съ берега, вглубь залива идетъ деревянный настилъ, въ родѣ моста, на сваяхъ, къ которому и пристають парохолы. Длина пристани сажень сто, при ширинѣ сажень въ 25. Тутъ лежатъ грузы, ѣздятъ извозчики и ломовики и ходятъ вагонетки съ грузами. Парохолы пристають бокомъ къ пристани, т. е. перпендикулярно къ берегу. На пристани люди разныхъ націй и нарѣчій, но преимущественно турки и греки. Одни лежатъ на солнечномъ припекѣ, другіе сидятъ въ тѣни и играютъ въ кости, третьи таскаютъ грузъ. Оживленіе, оклики, шумно. Вдали на горизонтѣ показался дымокъ. Парохода еще не видать, намъ говорятъ, что онъ находится версть за 40 отъ берегъ. Дымокъ становится яснѣе и яснѣе, постепенно вырисовывается остріе корпуса и наконецъ ясно виденъ большой пароходъ съ высоко поднятымъ носомъ. Вотъ онъ и въ заливѣ. Удивительно море скрадываетъ величину и разстояніе: пароходъ очень большой, а на водѣ даже и близко къ берегу кажется маленькимъ. Еще нѣсколько минутъ, брызнула около носа вода, поглотившая брошенный якорь, завизжала якорная цѣпи, и, медленно повернувшись, пароходъ сталъ у пристани. Остановка на четыре часа и мы, пользуясь любезностью помощника капитана, подъ его руко-

водствомъ, вступаемъ на пароходъ, что-бы осмотрѣть его. Насколько судно казалось небольшимъ съ берега, настолько оно громаднымъ оказалось, когда мы вошли на него. Корпусомъ, какъ я уже сказалъ, пароходъ похожъ на нашу черную, большую, волжскую баржу, съ круглыми, маленькими, въ нѣсколько рядовъ, окнами. Носъ очень высоко поднятъ; полъ палубы имѣетъ покатую плоскасть къ бортамъ. Борты очень высоки, а тѣхъ этажей, гдѣ помѣщаются каюты I и II классовъ на нашихъ пароходахъ, — на морскихъ совсѣмъ нѣтъ: всѣ помѣщенія находятся въ самомъ корпусѣ судна. Вся палуба загромождена цѣпями, якорями, машинами, лебедками и проч. приспособленіями. Палубнаго простора для прогулки тутъ уже не найдешь. Очень высокая труба, высокія мачты, опутанныя канатами и веревочными лѣстницами. Все прочно, крѣдко, основательно, все приспособленно на борьбу со стихіей. Въ носовой и кормовой частяхъ зіяютъ громадные люки (отверстія) для трюма, куда складываются грузы. Ахъ, да и много туда грузятъ, какъ въ какую-то бездонную яму. По бокамъ парохода, по двѣ съ каждой стороны, устроены лебедки, которыя при помощи пара и рычаговъ, вращающихся въ разныя стороны, поднимаютъ съ пристани и опускаютъ въ трюмъ грузы. Мы видѣли, какъ въ опущенный лебедкой канатъ на пристани ставили до 20 ящиковъ, закрѣпляли болтомъ конецъ каната и лебедка, поскрипывая, поднимала ящики къверху, повертывалась на своей оси къ пароходу и тихо опускала канатъ въ трюмъ, гдѣ рабочіе принимаютъ грузъ. Такимъ-же образомъ грузили на судно быковъ и лошадей. Животное реветъ, барахтается въ воздухѣ, а лебедка продолжаетъ свое дѣло. Около трюмовъ имѣются люки для входа внизъ, гдѣ помѣщаются столовая рубка, буфеты, курительныя и проч. Въ нихъ тѣсно, низко и темновато отъ маленькихъ оконъ. Опускаемся еще этажемъ ниже, въ каюты. Узкіе корридорчики, а по бокамъ мужскія и дамскія восьмимѣстныя каюты. Духота ужасная. Вода бьетъ почти въ окна, отчего въ корридорахъ очень тем-

но, такъ что и днемъ горитъ электричество. И сравненія не можетъ быть съ высокими, свѣтлыми, открытыми каютами рѣчного парохода. Впечатлѣніе отъ осмотра получилось не въ пользу морского судна. „Неужели и намъ придется ѣхать въ такой-же гробницѣ“ — подумали мы. Несимпатіи къ пароходу еще болѣе усиливаются отъ звука тоскливаго, дикаго свистка. Нашъ чичероне проводитъ насъ узкими, заваленными переходами на верхъ, въ капитанскую рубку. Тамъ объясняетъ намъ значеніе компаса, рулевого аппарата, дѣйствующаго паромъ, и аппарата, чрезъ который идетъ все управленіе пароходомъ и машиной. Безъ компаса быть въ безбрежномъ пространствѣ воды, особенно въ бури и туманы, невозможно. На управительномъ аппаратѣ ходитъ стрѣлка: повертываніемъ ея и дается извѣстное направленіе судну и машинѣ: стопъ, впередъ, назадъ и т. п. Удивительно, что такая громада подчинена повороту маленькой стрѣлки. За капитанской рубкой громадный люкъ для каменнаго угля, которымъ отопляются морскіе пароходы. Помощникъ капитана знакомитъ насъ и съ условіями морского плаванія. При слѣдованіи пароходы, обыкновенно, держатся дальше отъ берега, иначе можно наскочить на околобереговые подводные камни и разбить судно. Въ сильныя бури, когда волна заливаетъ борты, пассажиры удаляются съ палубы въ нижнія помѣщенія, а люки и окна наглухо закрываются. Качка бываетъ такъ сильна, что парохоль даетъ кренъ (наклоненіе на бокъ) до 45 градусовъ, касаясь мачтой до воды. Особенно бури свирѣпствуютъ въ октябрѣ, ноябрѣ, мартѣ и апрѣлѣ (пароходы ходятъ круглый годъ). Изъ всѣхъ вѣтровъ самый опасный и сильный — нордъ — ость, дующій съ горъ на море, появляющійся періодически. Этотъ вѣтеръ вырываетъ съ корнемъ деревья, срываетъ и уноситъ за версты крыши и цѣлыя постройки, выбрасываетъ на берегъ громадныя морскія суда, всюду неся разрушеніе. Особенно страшенъ нордъ — ость въ холодное время года, когда вода, заливая весь парохоль, покрываетъ его льдомъ, отъ тяжести котораго судно

можетъ пойти ко дну, что и было съ англійскимъ пароходомъ въ послѣдній періодъ нордъ-оста, весной 1911 года. Во время нордъ-оста пароходы стараются или укрыться въ гавани, или же уйти дальше отъ береговъ въ открытое море, гдѣ не такъ близка опасность разбиться о камни. Не малую опасность представляютъ туманы, появляющіеся иногда среди теплаго, лѣтняго дня. Другой вѣтеръ-морьякъ дуетъ съ моря. Но онъ не опасенъ и, для привычныхъ къ морю, не страшенъ, хотя бываетъ очень силенъ. „Вотъ это начинается морьякъ“, добавилъ нашъ проводникъ, — „посмотрите-ка, что завтра будетъ“. Отъ этихъ словъ у насъ заняло на сердцѣ. Сказать откровенно всѣ мы, исключая М. К. очень боялись качки. Изъ всѣхъ родовъ пароходной качки самая мучительная для пассажировъ та, которая происходитъ отъ мертвой зыби. Мертвая зыбь это волна, безъ опредѣленнаго направленія, появляющаяся уже тогда, когда море, такъ сказать, раскачалось вѣтромъ. Пароходъ бросаетъ вѣтромъ то на носъ, то на корму, то кладетъ на бортъ. Почти всѣ пассажиры хвораютъ морской болѣзью, нѣкоторые переносятъ ее ужасно, а нѣкоторые даже и умираютъ. Намъ передавали, что однажды, въ страшную бурю, одинъ пассажиръ на колѣняхъ умолялъ капитана подойти къ берегу и высадить его жену и дочь, сердечно больныхъ, почти умирающихъ отъ морской болѣзни. „Но ваша просьба бредъ безумца“ — воскликнулъ капитанъ: „развѣ я могу, для спасенія двухъ пассажировъ, которымъ тоже грозитъ гибель при крушеніи судна, рисковать 500-ми пассажирами и пароходомъ, который разобьется вдребезги о прибрежные камни“. А чрезъ нѣсколько часовъ, когда пароходъ вошелъ въ гавань, съ судна снесли двухъ жертвъ моря: жену и дочь, не перенесшихъ морской болѣзни. Возможно, случай единичный, но все-таки, значить такіе случаи возможны. Что-то тревожное зашевелилось у насъ на душѣ отъ такого разсказа. Гляжу на море: оно стало темнымъ, нахмурилось, а бѣлые гребни озабоченно гуляютъ по морской лазури. „Да, господа, кто

въ морѣ не бывалъ, тотъ страху не видалъ и Богу не молился“ — закончилъ помощникъ, котораго мы благодарили за любезность. Отправляемся въ городъ. Въмѣсто трамвая по городу ходятъ автомобили, до того трясучіе, что по выраженію одной какой-то женщины „всѣ печенки растряслись“. Новороссійскъ, главный городъ Черноморской области, окружаетъ бухту, а потому растянуть на большомъ пространствѣ. Часть ближе къ морю называется „Штандартъ“, а та, что дальше, — городъ. Постройки невысокія, изъ природнаго камня и, кажется, мы не видали ни одного дома выше двухъ этажей. Крыши домовъ преимущественно черепичныя. Всѣ постройки приспособлены къ выносливости предъ нордъ-остомъ. Передаютъ, что во время нордъ-оста въ городѣ замираетъ всякая жизнь, никто не рѣшится выйти безъ риска или быть убитымъ срывающимися крышами, или быть сброшеннымъ въ море. Въ Штандартѣ сосредоточены всѣ портовые учрежденія: конторы, банки, таможни, фабрики, заводы. Это самая кипучая часть города, заселенная иностранцами. Турки, греки, армяне встрѣчаются на каждомъ шагу. Греки некрасивы, турки, наоборотъ, если и некрасивы, то во всякомъ случаѣ милостивы. Слышали турецкую пѣсню: монотонная, речитативная, нѣтъ красивыхъ музыкальных оборотовъ и переходовъ. Между Штандартомъ и городомъ отъ вокзала къ бухтѣ проложено много ж.-дорожныхъ путей, по которымъ къ пристанямъ и обратно постоянно ходятъ поѣзда. На грузовыхъ пристаняхъ проложены рельсы, такъ что поѣздъ входитъ на пристань и остановится рядомъ съ пароходомъ. Такимъ-же образомъ приходитъ такъ называемый „черноморскій экспрессъ“ (петербургскій), откуда пассажиры непосредственно пересаживаются на пароходъ. У одной пристани стоитъ океанскій англійскій пароходъ „London“. Вотъ это такъ громада! Бортъ его не уступитъ вышинѣ хорошаго двухъэтажнаго дома. Городъ небольшой, но чистый. Городской садъ не важный. Говорятъ, что всю зелень въ городѣ уничтожилъ нордъ-остъ. У кафе, на самыхъ улицахъ, за сто-

ликами расположилась пуклика. Кто тянегъ воды, кто пиво, поглядывая на проходящихъ. Эта картина придаетъ улицѣ уютъ и простоту. Всюду слышится иностранная рѣчь. Зашли въ столовую обѣдать. Какъ можно быть на морѣ и не поѣсть морской рыбы. Но оказывается, что рыба очень дорога тамъ, гдѣ ея много. Между прочимъ заказываемъ себѣ кабазки — мелкая, краснаго цвѣта рыба, очень вкусная, жареная въ сухаряхъ. Удовлетворяемся и этимъ: всетаки попробовали морской рыбы. Прошлись по главной, Серебряковской улицѣ, но вѣтеръ усилился такъ что рветъ съ головы шляпу. Возвращаемся къ себѣ въ номера съ тяжелымъ вопросомъ: „что день грядущій намъ готовить“? Вѣдь какъ—ни какъ, а завтра надо ѣхать по морю.

8 іюня. Вѣтеръ превратился въ бурю. Въ 11 часовъ отходить пароходъ, а мы и представить себѣ не можемъ, какъ рискнемъ ѣхать въ такую бурю. По небу бѣгутъ сѣрыя, клочковатая тучи, застилая горы. Море—неузнаваемо: волна хлещетъ на набережную, шумить, гудить. Къ великой радости узнаю, что сегодняшній пароходъ изъ неважныхъ, а вотъ завтра будетъ хорошій. кстати, къ завтраму, быть можетъ и буря утихнетъ. Хоть и этимъ утѣшаемъ себя. Завтра,—такъ завтра. А пока, что бы не пропала день, садимся въ автомобиль, заплативши по два рубля съ персоны и отправляемся въ Гелинджикъ, дачное мѣсто на берегу моря, верстахъ въ 30 отъ Новороссійска. Дорога великолѣпная: горы, утесы, обрывы, море, то скрывающееся за горами, то открытое во всю свою даль, все это заставляетъ насъ на время забыть о будущихъ, воображаемыхъ, страхахъ. Гелинджикъ небольшое селеніе, впрочемъ обѣщающее быть, возможно, и въ недалекомъ будущемъ, хорошей приморской колоніей для больныхъ и отдыхающихъ. Съ одной стороны горы, съ другой—открытое море, при условіяхъ дачной простоты, дѣлаютъ положеніе его привлекательнымъ. Бѣжимъ къ морю. Ухъ, какъ оно кипитъ! Снимаемъ обувь и съ удовольствіемъ полощемся въ свѣжей влагѣ, набираемъ камуш-

ковъ и хорошенкихъ ракушекъ. Босыми ногами трудно ступать по морскому дну, усѣянному острыми камнями, такъ что при купаніяхъ въ морѣ надѣваютъ особыя парусиновыя туфли. Такъ часа два проводимъ на берегу моря и уже къ вечеру возвращаемся домой.

9 іюня. Былъ въ городѣ у врача, который находитъ для меня, сердчнобольного, опаснымъ пускаться въ морской путь въ бурю. Досадное предупрежденіе. Гдѣ-то внутри, вмѣстѣ съ нѣкоторой тревогой таится и острое желаніе пережить морскую качку хоть разъ въ жизни. Передаю про это желаніе и совѣтъ врача М. К—чу, но онъ меня тоже удерживаетъ, хотя самому-то ему, вижу по глазамъ, страстно хочестя испытать то-же. Что дѣлать? Быть можетъ уже и не такъ сильна качка на морѣ, какъ мы предполагаемъ? Что-бы провѣрить, иду къ пристани, куда какъ разъ въ это время подходитъ большой пароходъ. Присталъ. Смотрю и удивляюсь: многіе лежатъ на палубѣ какъ въ глубокомъ обморокѣ, другіе перегнулись черезъ бортъ и отдають морю свои завтраки и обѣды. Лица всѣхъ страдающія, измученныя, зеленыя; мутный тупой взглядъ, поступь нетвердая, походка какъ у пьяныхъ. Нѣкоторыхъ выводятъ подъ руки обезсиленными. Одна дама бьется въ историкъ, то рыдаетъ, то громко хохочетъ. Спрашиваю пароходную прислугу: „ну, какъ здорово качаетъ“? Пожимаютъ плечами: „такъ себѣ“. Народъ привычный, сроднившійся съ моремъ и его укачиваніями. „Нѣтъ, думаю, лучше спрошу кого либо изъ пассажировъ“ и въ виду безпристрастнаго отвѣта рѣшаю спросить мужчину, а не даму. Встрѣчаю инженера подъ руку съ дамой, оба покачиваются, идя по пристани.— „Вы, кажется, только что пріѣхали съ этимъ пароходомъ, скажите, пожалуйста, сильно качаетъ въ морѣ?“ — говорю я. Дама съ измученнымъ лицомъ глядитъ на меня какимъ-то безучастнымъ взглядомъ. Въ глазахъ написанъ ужасъ только что пережитыхъ страданій. „А вы думаете ѣхать?“ спрашиваетъ инженеръ.

„Да, сегодня предполагаю ъхать въ Сухумъ на этомъ-же пароходѣ, а ѣду впервые, такъ откровенно сказать, побаиваюсь чего-то, говорятъ сильно качаетъ“, отвѣчаю ему.

„Вотъ что скажу вамъ, милый батюшка, — отвѣчаетъ инженеръ, — я самъ первый разъ море увидѣлъ и вчера первый разъ сѣлъ на пароходъ. Послушался людей; говорятъ — чудная морская прогулка, покой, комфортъ, отдыхъ... И послѣ этой „чудной“ прогулки я каждому скажу: проклять этотъ день моей жизни, когда я рѣшилъ сѣсть на морской пароходъ. Клятву даю, что ничто меня не заставитъ въ другой разъ ъхать моремъ. Выѣхали — былъ вѣтеръ и только. А потомъ, Боже мой, что стало! Какъ мы страдали, а особенно вотъ она“. Дама черезъ слезы, чуть чуть, улыбнулась. „Вы посмотрите, продолжалъ онъ, — что въ морѣ дѣлается, ужасъ! Такъ вотъ какъ я думаю: любуйтесь моремъ, воспѣвайте его, купайтесь, но не довѣряйтесь ему. Будете каяться, какъ отойдете отъ берега, да будетъ поздно. Я теперь ненавижу это море, отравившее мнѣ день моей жизни. Не рѣшайтесь, вотъ мой сердечный совѣтъ“ — закончилъ онъ...

Что дѣлать? И хочется, да и боязно, право, стало отъ такихъ словъ. Собираемъ семейный совѣтъ, на которомъ наши дамы рѣшительно отказываются отъ морской поѣздки. М. К. посвящаетъ насъ въ свою тайну: ему страстно хочется испытать морскую бурю, поэтому онъ хотѣлъ-бы сѣсть на пароходъ, проѣхать до Батума, а потомъ обратно до Ялты, а намъ совѣтуетъ ъхать на жел. дор. туда-же, гдѣ мы и встрѣтимся съ нимъ. Предложеніе принимается и чрезъ полчаса мы провожаемъ довольнаго своимъ планомъ М. К. на пароходъ. „До свиданія, чрезъ три-четыре дня свидимся“!... Медленно, тихо покачиваясь, пароходъ отходить и постепенно удаляется. Пассажировъ немного, но зато всѣ помѣщенія пароходныхъ конторъ и ближайшія гостиницы переполнены пассажирами, ожидающими тихой погоды.

Мы идемъ на моль, но на него ступить нельзя. Громадный валь, одинъ за другимъ, съ ревомъ катится и, раз-

биваясь о камни, водянымъ столбомъ взлетаетъ вверхъ. Еще и еще... А вотъ надвигается цѣлая водяная гора, ближе, ближе.... у...у...ухъ и яростно перекатилась черезъ моль. А море рокочетъ, кипитъ, какъ будто кто исполинской лопатой взворачиваетъ со дна его воду. Вдаль ничего не видно отъ водяныхъ горъ и столбовъ, все скрывается въ брызгахъ, какъ въ туманѣ. Вспоминаются наши волжскія низовыя бури, но сравненіе слишкомъ слабое. Тамъ вода заключена въ узкую раму, а тутъ на просторѣ сотенъ верстъ гуляй вѣтеръ, катись волна! Показалось судно; можно различить, что это пароходъ, но какъ его качаетъ. Онъ то скроется изъ глазъ, будто бездна поглотила его, то вынырнетъ и держится на водяныхъ холмахъ высоко, высоко, будто плыветъ въ воздухѣ, поверхъ воды. Но моментъ и опять скрылся за горами. У насъ сердце сжимается за бѣдныхъ пассажировъ. Къ гавани плыветъ рыбацья лодка, съ высокими бортами, на парусахъ. Мои дамы даже отвернулись, — такъ страшно глядѣтъ на эту скорлупу въ морѣ. Лодку буквально бросаетъ и треплетъ изъ стороны въ сторону: то волна кладетъ ее на бокъ, то ставитъ на корму, а носъ поднимается почти по вертикальной линіи, то корма поднимается, а носъ ныряетъ въ пучину. Черезъ нѣсколько минутъ лодка подошла къ берегу, и изъ нея вышли рыбаки греки, насквозь промокшіе, улыбающіеся, довольные своимъ уловомъ и спокойно стали разгружать свое судно, будто буря ихъ и не касается. Подходимъ посмотреть на рыбу: мелкіе кабазки, кефаль и еще какія-то золотистыя рыбки ничего особеннаго не представляютъ. Но камбала, — какая странная. Круглая, какъ рѣшето, только больше въ діаметрѣ, плоская, но не толще пальца руки, сѣро-черная, съ круглыми косточками во всю длину туловища, какъ у осетра. Маленькая, чуть замѣтная головка съ такими-же плавниками и хвостомъ. Брюхо бѣлое, какъ у лягушки, жабры не съ боковъ, какъ у рыбъ, а подъ головой, выше брюшка. Ну, точно громадный соленый груздь, а не рыба. Впослѣдствіи намъ приходилось ѣсть эту рыбу, она

очень вкусна, похожа на осетрину, но съ привкусомъ рачьяго мяса.

Долго мы были на молу, не имѣя силъ оторвать глазъ отъ невиданной нами картины бушующаго моря. Пора и собираться въ дальнѣйшій путь. Какъ жаль, что приходится измѣнять свой маршрутъ и вмѣсто морской поѣздки по южному побережью моря поворачивать обратно и трястись по желѣзной дорогѣ. Дамы укладываются, а я отправляюсь на вокзалъ узнать о поѣздѣ. Получаю справки: скорый поѣздъ на Ростовъ Н/Д отправляется въ 6 час. Ѣхать до Севастополя около трехъ сутокъ; цѣна плацкартнаго билета 13 руб. 25 коп. Къ шести часамъ, распростившись съ Новоросійскомъ, мы и на вокзалѣ, а потомъ и въ поѣздѣ, въ прекрасномъ, просторномъ, чистомъ вагонѣ, съ электричествомъ. Путь до станціи Тихорѣцкой идетъ тотъ—же, по которому мы уже ѣхали. Но какъ мчится поѣздъ! Сколько мнѣ пришлось проѣзжать по жел. дорогамъ, нигдѣ не встрѣчалъ такой быстроты. Горы, пропасти, лѣса, скапы,—только мелькали предъ нами. Отъ быстроты съ полотна въ окно вагона летѣли камушки и песокъ. Пассажирки были такъ запуганы скачкой поѣзда, что уже подумывали, что лучше—бы, пожалуй, и впрямь ѣхать моремъ, нежели нестись по такимъ опаснымъ мѣстамъ. А мѣста дѣйствительно опасны: вотъ плотно дороги вьется по высѣченному уступу скалы. Влѣво какъ стѣна скала, покрытая облаками, вправо—пропасть измѣряемая сотнями сажень, а поѣздъ бѣшено мчится и чрезъ минуту уже несется въ расщелинѣ горы, вырывается на просторъ, оставляя за собой дымную дорогу и опять извиваясь мчится по обрыву, пересѣкая мосты и дамбы. Вспыхнуло электричество и съ шумомъ, грохотомъ, шипѣньемъ, какъ властелинъ подземнаго царства, поѣздъ полнымъ ходомъ пронесся одинъ туннель, за нимъ другой. Сильный свѣтъ электричества скрадываетъ темноту, а быстрый ходъ,—разстояніе туннеля. Въ туннель пробрались мальчишки и кричать „а-а-а“ и крикъ ихъ раздается въ темнотѣ какъ зло-

вѣщій, тревожный крикъ ночной птицы и чрезъ моментъ исчезаетъ. Такъ-же какъ и прежній разъ крестимся, но уже не испытываемъ чувства жуткости. За горами опять потянулись степи. Къ вечеру вѣтеръ затихъ, а можетъ быть это только здѣсь въ степи такъ?

Свящ. В. Николаевъ.

ИЗЪ МѢСТНОЙ ЖИЗНИ.

Архіерейскія служенія.

Января 12 дня. Божественную литургію Владыка совершалъ въ женскомъ монастырѣ и въ обычное время говорилъ слово.

Января 13. Божественную литургію Владыка совершалъ въ Крестовой церкви и произносилъ слово.

Января 20. Божественную литургію Владыка служилъ въ Крестовой церкви.

Января 27. Божественную литургію Владыка служилъ въ Крестовой церкви и произносилъ слово.

Архипастырскія посѣщенія.

Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Свмеонъ, Епископъ Самарскій и Ставропольскій, изволилъ присутствовать на урокахъ:

14 января въ церковно-учительской школѣ въ 1 классѣ по всеобщей исторіи и въ образцовой школѣ по Закону Божію.

15 января въ мужск. дух. училищѣ въ 4 штатномъ классѣ по греческому языку.

16 января въ образцовой школѣ при Епархіал. жен. дух. училищѣ по русскому языку.

17 января въ образцовой школѣ при духовн. семинаріи по Закону Божію.

18 января въ Николаевскомъ жен. училищѣ по ариѳметикѣ.

19 января въ Епархіальномъ жен. училищѣ въ 6-мъ штатномъ классѣ по церковному пѣнію.

21 января въ духовной семинаріи въ 5 классѣ по обличенію русскаго раскола.

22 января въ мужск. духовномъ училищѣ во 2-мъ паралельномъ классѣ по географіи.

23 января Владыка изволилъ посѣтить мужской Николаевскій монастырь.

25 января въ Епархіальномъ жен. училищѣ въ 6 штатномъ классѣ по дидактикѣ.

ЗОЛОТО:

серги, кольца, броши,
браслеты, цѣпи, медальоны
и т. п.

СЕРЕБРО:

столовое, а также для
подарковъ и подношеній
въ роскошныхъ футля-
рахъ.

ЧАСЫ:

золотые, серебряные и
стальные фабрики Ген-
риха Мозеръ и К^о и
др. изв. фирмъ.

Предлагаетъ въ большомъ выборѣ магазинъ

ЮСИФА КОЛМАНОКЪ

въ г. Самарѣ, на Дворянской ул.

Гг. служащимъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, учителямъ
и учительницамъ городск. и сельск. школь,

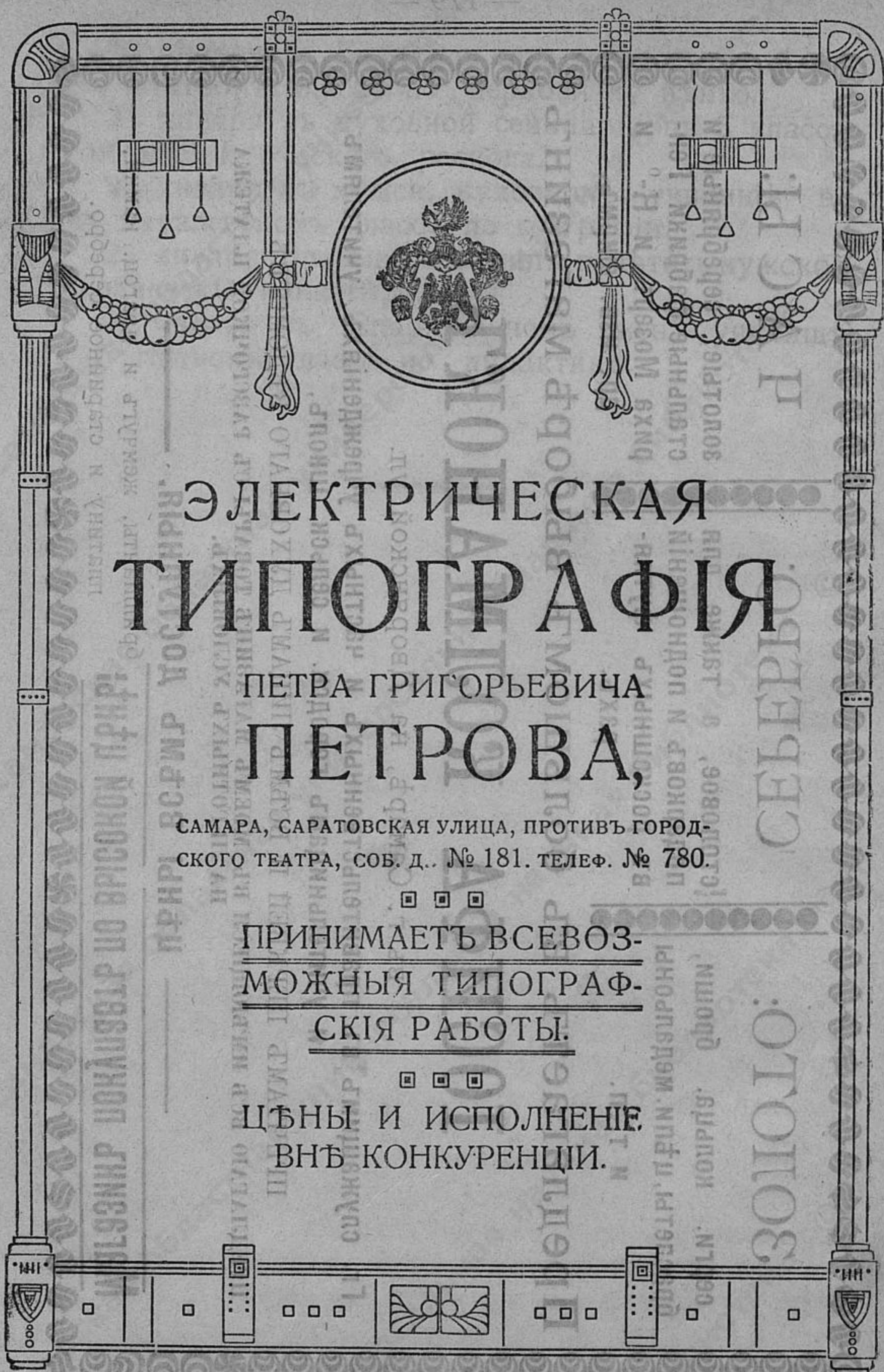
ПРИЧТАМЪ ЦЕРКВЕЙ И ВСѢМЪ ЛИЦАМЪ ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВѢ

ПРЕДЛАГАЮ ВСѢ ИМѢЮЩЕЯСЯ ВЪ МОЕМЪ МАГАЗИНѢ ТОВАРЫ СЪ РАЗСРОЧКОЙ ПЛАТЕЖА
НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

ЦѢНЫ ВСѢМЪ ДОСТУПНЫЯ.

Магазинъ покупаетъ по высокой цѣнѣ:

бриллианты, жемчугъ и драгоц. камни,
платину и старинное серебро.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА
ПЕТРОВА,

САМАРА, САРАТОВСКАЯ УЛИЦА, ПРОТИВЪ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА, СОБ. Д. № 181. ТЕЛЕФ. № 780.

ПРИНИМАЕТЪ ВСЕВОЗ-
МОЖНЫЯ ТИПОГРАФ-
СКІЯ РАБОТЫ.

ЦѢНЫ И ИСПОЛНЕНІЕ
ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ.

Редакторъ П. Зоринъ.

Печатать разрѣшается 1 февраля 1913 г. Ценз. прот. Ал. МЕНЬШОВЪ.

Электрическая типографія П. Г. Петрова.